

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Грозненский государственный нефтяной технический
университет имени академика М. Д. Миллионщикова»

На правах рукописи

МАМАДИЕВА Мадина Хожаметовна

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В КОНТЕКСТЕ ИСЛАМСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ**

24.00.01 – Теория и история культуры

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель
АКАЕВ Вахит Хумидович,
доктор философских наук, профессор

Грозный
2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1	
Многообразие этнокультурных процессов	
на Северном Кавказе: взаимосвязь общего и особенного	17
1.1 Общие историко-культурные истоки северокавказских этносов	17
1.2 Этнические и языковые различия народов Северного Кавказа	35
1.3 Религиозно-культурные особенности мусульманских народов региона	50
ГЛАВА 2	
Исламское возрождение на Северном Кавказе	
и его влияние на традиционные этнические культуры	67
2.1 Особенности исламского возрождения в традиционных северокавказских обществах	67
2.2 Этнокультурные традиции и исламизм: конфликт и пути преодоления.....	88
2.3 Механизмы адаптации исламского возрождения к местным этнокультурным ценностям.....	108
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	121
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	127

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Социокультурные перемены, происходящие в современной России, чувствительно отразились на обычаях и традициях, ментальные особенности, культурные ценности народов, которые ее населяют. Изменились их образ жизни, психология, поведенческие установки, идеология и мировосприятие. На смену социалистическим ценностям, в том числе и культурным, пришли ценности рыночные, капиталистические, либерально-демократические, составившие основу бытия многих народов. Эти общие процессы отразились и на духовно-культурном, религиозном сознании россиян, придерживающихся разных верований, бытовавших в условиях советской реальности.

Социокультурные перемены в России, сопряженные со сменой экономической, политической, духовно-культурных ценностей, происходящих в ходе демократических преобразований, детерминировали сложный противоречивый процесс исламского возрождения. Оно явилось важным фактором становления и развития мусульман и оказало заметное воздействие на традиционные этнокультурные процессы, происходящие в северокавказском регионе, придавая им выраженную духовно-культурную специфику.

Этнокультурные процессы на Северном Кавказе – явление сложное, неоднозначное, противоречивое, сопряженное с политическими, экономическими, религиозными проявлениями. Языковое, этническое, религиозное, психологическое многообразие народов Северного Кавказа, география их расселения, общественный быт сохранили их культурную уникальность, сформировали специфическое цивилизационное пространство. Изучение этих процессов в контексте

возрождения ислама – актуальная исследовательская задача, в ходе которой важно учесть региональные социокультурные процессы, приобретающие свою специфику, особенности проявления под влиянием религиозного возрождения.

Исламское возрождение на Северном Кавказе, как и в целом в стране, сопряжено с процессами трансформации, начавшимися до распада СССР. Предложенная советскому обществу концепция перестройки, демократии и гласности привела к идеологическому ослаблению прежнего жесткого отношения государства к религии.

Декларируя западные ценности в рамках идеологии социализма с человеческим лицом, М. С. Горбачев и его сторонники в конечном итоге создали условия для плюрализма общественного мнения, бытования разнообразных форм собственности, культур, религиозных ценностей. Ослабление партийного, идеологического диктата в СССР послужило важнейшим фактором проникновения в страну различных религиозных течений, принадлежащих как христианству, так и исламу.

Постепенно происходит их радикализация, представляющая собой угрозу для общества и государства. Такая трансформация происходила в деятельности нетрадиционных для СССР, России исламских течений и движений таких, как салафизм, ваххабизм, ихванство (братья-мусульмане), хабашизм. Эти религиозно-политические течения и движения для всех мусульманских народов России не являлись имманентными, ибо не формировались на базе их этнических культур. Они для них являются внешними и навязывались они искусственно. Среди мусульманских народов России, в том числе и Северного Кавказа, продвигалась идея о необходимости исламского активизма, преодоления мусульманами политической пассивности, создания единой религиозно-

политической партии, которая выступала бы в качестве силы, интегрирующей разрозненных мусульман.

Но её носители так и не смогли реализовать задачи активного включения мусульман в социально-политические, духовно-культурные процессы, происходящие в стране. Наоборот их деятельность стала приобретать экстремистский характер, вносила раскол среди мусульман страны, пытаясь противопоставить их существующей власти. Эти радикальные процессы также являются следствием исламского ревивализма, но при этом они были нацелены на дестабилизацию духовной, религиозно-политической ситуации в регионе. В контексте этого процесса происходили изменения, стала заметной динамика этнических культур народов Северного Кавказа. Анализ этой ситуации позволяет установить как особенные, так и общие аспекты, проявляющиеся в ходе исламского возрождения в регионе и его воздействия на региональную этническую культуру, подвергавшейся в определенной мере к трансформации.

Степень научной разработанности темы. Состояние многообразия этнокультурных процессов на Северном Кавказе в контексте взаимосвязи общего и особенного с учетом этнических и языковых различий народов Северного Кавказа, их культурных истоков, религиозно-культурных различий нашли отражение в исследованиях отечественных ученых: Р. Г. Абдулатипова, М. М. Абдуллаева, А. В. Авксентьева, В. Х. Акаева, А. К. Аликберова, З. С. Арухова, В. О. Бобровникова, Л. А. Баширова, О. Н. Домения, Г. В. Драча, Ю. И. Жданова, Ю. Ю. Карпова, А. В. Лубского, С. А. Ляушевой, Б. Б. Нанаевой, С. М. Прозорова, В. А. Тишкова, Х. Г. Тхагапсоева, К. М. Ханбабаева, Р. Д. Хунагова, В. В. Черноуса, Я. В. Чеснова, А. Ю. Шадже, А. Р. Шихсаидова, О. М. Штомпеля и др.

Общее состояние этнической культуры и сохранение идентичности в условиях глобальных и модернизационных процессов отражены в работах западных исследователей С. Хантингтона, П. Бергера, Дж. Эспозито, переизданных на русском языке.

О социально-экономических и духовно-культурных предпосылках исламского возрождения, происходившего в России, а также в таком ее регионе как Северный Кавказ накануне и после распада СССР рассмотрены в исследованиях В. Х. Акаева, С. И. Аккиевой, М. И. Билалова, А. М. Бутгаевой, И. П. Добаева, А. А. Игнатенко, Э. А. Исаева, А. В. Малашенко, А. Б. Дохаевой, Р. А. Мусаева, Н. Нефляшевой, Г. И. Юсупова и др.

Проблемы религиозной активизации, конфликта между религиозно-культурными традициями и ваххабизмом раскрыты в работах следующих авторов: Э. Ф. Кисриева, С. Ш. Муслимова, К. М. Ханбабаева, А. А. Ярлыкапова, М. Я. Яхьяева. Особенности воздействия исламизма как маргинальной религиозно-радикалистской культуры на этнические, культурные ценности, а также на поведенческие установки молодежи исследуются в работах Э. А. Исаева, Р. А. Мусаева и др.

При наличии достаточно большого количества исследований по теме состояние ислама на Северном Кавказе в постсоветский период не обнаружено специальных работ, отражающих динамику этнокультурных процессов, под воздействием возрождения ислама в данном регионе. Изучение научной литературы по теме исследования позволили определить основные подходы к исследованию, сопряженные с применением принципов развития и историзма, феноменалистском и системном анализе, установив соответствующие научно-квалификационные характеристики исследования работы.

Объектом исследования является особенности исламского возрождения на Северном Кавказе, активно воздействующие на традиционные этнокультурные процессы народов региона, придавая импульс для современного развития с учетом активизации религии.

Предметом исследования выступает изучение механизма воздействия исламского возрождения на региональные этнокультурные процессы, сохраняя базовые позиции народных культур, а также детерминируя определенные духовно-культурные изменения.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить изменения этнокультурных особенностей народов Северного Кавказа, происходящих под влиянием исламского возрождения. Сформулированная цель последовательно достигается в решении следующих взаимосвязанных **задачах исследования**:

- северокавказских этносов, способствующих их этнокультурной интеграции;
- установить особенности религиозно-культурных различий народов Северного Кавказа;
- рассмотреть факторы исламского возрождения в традиционных северокавказских обществах;
- раскрыть механизм влияния исламского возрождения на традиционные этнические культуры;
- проанализировать причины конфликта между этнокультурными традициями народов Северного Кавказа и глобальным исламизмом, раскрывая при этом механизм его воздействия на различные формы местных этнических культур, а также пути его неприятия.

Источниками исследования стали художественные, литературные и научные материалы, в которых рассматриваются мифы, предания, обычаи, традиции, исторические сюжеты северокавказских

народов. В ходе осуществленного анализа выявляются как особенные, так и их общекультурные связи и отношения, способствующие интеграционным культурным процессам.

Методология и методы исследования. Методологические основы исследования составляют философское осмысление религиозного и культурного опыта верующих, возрожденческих тенденций ислама в контексте модернизационных процессов посредством, последовательное использование принципов развития, историзма, сравнительно-исторического и феноменологического подходов, а также системного анализа. Эти подходы конкретизируются в ходе изучения обычаев, традиций, религиозных фактов, выявляя их внутренние связи и отношения в контексте общих культурно-цивилизационных процессов. В ходе исследования осуществлялась опора на исследования классиков отечественного исламоведения, как-то: В. В. Бартольда, М. А. Батунского, И. П. Бертельса, П. А. Грязневича, Ю. А. Крачковского, С. М. Прозорова, А. В. Сагадеева, М. Т. Степанянц, А. Б. Халидова и др.

В диссертации нашли отражение исследования, теоретические положения зарубежных авторов, приобретших классический характер, таких как: И. Гольдцигер, Г.Э. фон Грюнебаум, М. Элиаде, А. Мец, А. Мюллер и др.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- установлена общность этнических, культурных и религиозных особенностей народов Северного Кавказа, сопряженные с их историческим, социально-политическим развитием, этнопсихологическими, языковыми и религиозными особенностями;
- проанализированы общие этногенетические, культурные истоки северокавказских народов, становление которых сформировали

определенный тип общности народов, обладающих специфическим стереотипом поведения, соответствующими ментальными особенностями, составляющими основу их современного бытия;

– выявлены особенности религиозно-культурных различий мусульманских народов региона, формировавшиеся на основе взаимодействия местных этнических религий, христианства и ислама, а также основные факторы, детерминировавшие исламское возрождение в регионе;

– изучен механизм влияния исламского возрождения на традиционные этнические культуры, придающий им новые формы функционирования, определяющие поведение верующих, оказывающие влияние на традиционную культовую практику;

– определены причины конфликта между этнокультурными традициями и нетрадиционными для региона исламскими течениями, оказывающими дезинтеграционный характер на традиционную духовно-культурную ситуацию;

– предложена система мер, способная обеспечить духовно-культурную стабильность в регионе, путем противодействия возможностям проникновения исламизма в этнические культуры народов и установления его доминирующей роли.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Этнокультурное многообразие народов Северного Кавказа сформировалось на основе длительного исторического и культурного развития в специфических природных, социальных условиях. Ареалом их обитания является природный ландшафт, состоящий из разных климатических зон, в которых формировался тот или иной этнос, находясь в социокультурных взаимодействиях с контактирующими народами. Эти условия формировали их образ жизни, этнические,

языковые различия, ментальные особенности, мировидение, религиозные и культурные ценности.

На Северном Кавказе проживают более 50 этнических групп, говорящих на более 32 языках, исповедующих ислам (суннитское и шиитское направление), христианство (преимущественно православие), иудаизм, ламаизм. При таком этнокультурном и религиозном разнообразии, языковых различий народы Северного Кавказа объединяют общие ценности, сложившиеся в ходе их исторического, экономического, политического и духовно-культурного взаимодействия. Прежде всего к этим ценностям относятся общее государство, русская культура, русский язык, патриотизм, готовность отстаивать интересы единого государства. Они формируют характерную для всех народов общую идентичность. При этом этническая, религиозная формы идентичностей не подавляются, а сохраняются как диалектическая взаимосвязь общего и особенного.

2. Историческое и духовно-культурное развитие северокавказских этносов, сопряжено с их тысячелетними экономическими, политическими и культурными связями, формировавшими определенный культурно-цивилизационный тип «кавказскость». Его образование произошло на основе родственных, дружеских отношений, а также общих этнических, религиозных и культурных компонентов.

Эта ситуация отражается в исторических преданиях, мифах аборигенных народов Кавказа, что четко указано в армянских и грузинских исторических хрониках. Общность этнического происхождения и культурных связей северокавказских народов пытаются установить в своих исследованиях Д. М. Тайсаев, который считает, что в действительности у кавказцев единого корня, вероятно, не

существует. Но общий предок был лишь у нахско-дагестанской и адыго-абхазской ветви¹. А сложившиеся в этом отношении некоторые теории этногенеза восходят либо к библейской интерпретации, пытаясь подтвердить научными данными, прежде всего, данными археологии, либо основываются на данных генетики, посредством установления общих предков через ДНК-генеалогия, выделяя гаплотипы. Эта разработанная А. Клёсовым приобретает все больше сторонников, хотя и вызывает обоснованную критику у сторонников традиционного научного подхода, считающих её антинаучной.

Как известно, традиционный подход, обосновывающий этногентическое, культурное, духовное родство народов Кавказа, с нашей точки зрения, имеет немало сторонников, а потому эта позиция сохраняется в науке. Представляется, что обоснованной является научная традиция, согласно, которой родственные народы Кавказа имеют глубокие, исторические, культурные и религиозные традиции.

3. Северный Кавказ является уникальным регионом не только в природно-ландшафтном отношении, но и бытованием множества разнообразных этносов, обладающих своими локальными этническими культурами, ментальными, нравственно-гуманистическими, религиозными ценностями. Преобладающее большинство из них, примерено 5 млн человек, ныне исповедует ислам, утвердившийся посредством преодоления языческой культуры, а в некоторых случаях и ценностей христианства. В основном среди аборигенных народов региона распространен ислам суннитского направления, но имеются небольшая группа лезгин-шиитов, а также азербайджанцы, живущие в Дербенте, исповедующие ислам шиитского направления.

---

¹ Тайсаев Д. М. Этногенез народов Кавказа. – Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2015. – С. 179.

При такой этнической, религиозной пестроте между мусульманами Северного Кавказа имеется много общего, сопряженного с исламской культурой, кавказскими традициями, многовековым сотрудничеством и сожительством, что основано на отстаивании общегосударственных интересов.

4. Исламское возрождение на Северном Кавказе имеет свои отличительные особенности, сопряженные с наличием местного этнокультурного и духовного колорита. Бытующий в регионе ислам, имеет свои локальные исторические особенности, связанные с процессом первоначального появления и распространения среди народов региона, придерживавшихся языческих ценностей. Ислам в регионе утверждался в период арабских завоевательных походов с последующим его адаптированием к местным этническим культурам. Утвердившийся среди народов северного и западного Кавказа, ислам называют народным, в силу освящения разных этнокультурных народных компонентов, порою имеющих языческий характер. В Дагестане, Чечне и Ингушетии ислам бытует в форме суфизма, в котором важная роль отводится к культу святых, паломничеству к мавзолеям (местам захоронений), что резко осуждается ваххабизмом.

Основные факторы, детерминировавшие исламское возрождение в традиционных северокавказских обществах, сопряжены прежде всего с началом демократических преобразований в СССР, а затем в постсоветской России, возникновением ситуации идеологического многообразия, отказа от идей атеизма, возрождением этнокультурных ценностей, появлением исламских центров в крупных российских городах, продвигающих среди мусульман ценности салафизма.

5. Исламское возрождение на Северном Кавказе наряду с динамикой традиционных религиозных ценностей связано

радикализацией ваххабитов, что активно отражается на традиционных этнических культурах, способствуя полной их сакрализации. Представители ваххабизма добивались к перестройке всей жизни мусульманских народов на основе шариата, отвергая базовые ценности, этнической культуры признавая их язычными заблуждениями, противными «чистому исламу». Небольшая группа ваххабитов добивалась разрушения традиций, складывавшихся в условиях советской системы, утверждения исламского ориентированного общества и построения исламского государства. Радикально настроенные ваххабиты, через насилие добивались построения кавказского халифата на Северном Кавказе.

Экстремистские и радикалистские идеи способствовали коррозии религиозно-культурные традиционные основы бытования народов Северного Кавказа, особенно в Дагестане и Чечне. Хотя в целом эти религиозно-культурные традиции сохранили свои позиции среди мусульман, отвергая новшества, сопряженные с нетрадиционными религиозными течениями.

6. Раскрываются причины, детерминировавшие конфликт между этнокультурными традициями народов Северного Кавказа и усиливавшим своё влияние исламизмом, проникший в регион через деятельность отдельных проповедников «чистого ислама» из числа местных этносов, получивших образование, в исламских университетах Саудовской Аравии (например, в Джидде, Эр-Рияде). Чаще всего эти причины были связаны с образованием идеологического вакуума, возникшего в связи процессами перестройки и гласности, а также с развалом СССР.

Важную роль в распространении исламизма сыграли исламские фонды и центры, появившиеся в России, активно финансировавшие

распространение идеологии и практики салафизма и ваххабизма в Дагестане, Чечне, Карачаево-Черкессии, Татарстане и в других регионах России. Они способствовали созданию исламских образовательных учреждений, для изучения «чистого ислама» и выделяли значительные средства строительству «ваххабитских» мечетей, изданию в массовом количестве литературы, значительная часть которой экспертным сообществом признана экстремистской.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в не осуществлен научный анализ состояние и развитие этнокультурных процессов на Северном Кавказе в постсоветский период в условиях активного возрождения ислама, сопряженного с модернизационными процессами, происходившими в стране. Региональное исламское возрождение, имея свои особенности, разные формы проявления, оказывало непосредственное влияние на традиционные этнические культуры народов региона, в ходе которых они либо сохраняли свою основательность, либо подвергались восприятию и определенным изменениям. Научное осмысление этих процессов имеет важное значение для теоретического развития региональной культуры. В осуществленном исследовании уточняется целый ряд терминов, применяемых в отечественном и западной культурологии, религиоведении, исламоведении. К этим терминам относятся фундаментализм, джихадизм, исламизм, которые проникают в этнические культуры, порою укрепляясь в них. Раскрывается их идейно-теоретическое содержание, устанавливается их взаимосвязь, раскрывается занимаемое ими место в отечественной этнокультурологии, религиоведении и исламской теологии.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть широко использованы на практике, например,

в преподавании дисциплин и спецкурсов по этнической культуре, религиоведении, теологии, философии. Они могут быть использованы в работе преподавателя, государственного чиновника, учителя. Некоторые разделы исследования отличаются новизной, представляя приращение знаний о религиозных процессах, происходящих на Северном Кавказе.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Тема и содержание диссертации соответствуют научной специальности 24.00.01 – Теория и история культуры по отрасли культурология, в том числе пунктам: 1.3 Исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и ментальные аспекты теории культуры; 1.8 Генезис культуры и эволюция культурных форм; 1.9 Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов; 1.33 Институты культуры и их функции в обществе.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Степень достоверности работы обусловлена комплексным изучением проблемы состояния и развитие этнокультурных процессов в постсоветский период в ходе активизации исламского возрождения на Северном Кавказе. По теме исследования опубликованы 12 научных работ. Основные результаты диссертационного исследования изложены в 5 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, 1 статье, опубликованной в изданиях, индексируемых в международной наукометрической базе данных Web of Science, других публикациях.

Результаты исследования апробированы в ходе участия диссертанта в различных научных, теоретико-методических мероприятиях, например, на семинарах преподавателей кафедры философии ГГНТУ им. академика М. Д. Миллионщикова,

республиканских, региональных и общероссийских научных конференциях, проходивших в Москве, Грозном, Хасавюрте, Махачкале, Ростове-на-Дону. В их числе: XII всероссийская конференция «Проблемы российского самосознания: историческая память народа» (Москва, 21 апреля 2015 г., Махачкала, 23–24 апреля 2015 г.); всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых» (Грозный, 13 мая 2016 г.); Первый южнороссийский философский конгресс «Философские школы, стратегии развития и вызовы будущего» (Ростов-на-Дону, 25–29 мая 2016 г.); международная научная конференция «Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма» (Грозный, 14–15 июня 2019 г.); III международная научно-практическая конференция «Мобилизация этнокультурного ресурса как важнейший фактор противодействию экстремизму и терроризму» (Грозный, 6–7 декабря 2019 г.).

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, двух глав и шести параграфов, заключения, списка литературы из 229 наименований. Общий объем диссертации 150 страниц.

ГЛАВА 1

МНОГООБРАЗИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОБЕННОГО И ОБЩЕГО

1.1 Общие этнокультурные истоки северокавказских народов

Находясь на различных стадиях социокультурного развития, народы мира в значительной мере вовлечены в индустриальный или постиндустриальный процессы, хотя многие из них сохраняют и ранние формы социальной организации. При этом они различаются многообразием этнокультурных ценностей, локальными особенностями, сформировавшимися на основе исторического, языкового, духовно-культурного, социального развития. Во многом это многообразие сложилось на основе географически-ландшафтных особенностей, сформировавшихся социальных и религиозно-культурных отношений. Значительная роль в этом процессе сыграли воздействие внешних миграционных, политических, культурных факторов.

Эти процессы сыграли как интегративную роль, формируя единство многообразия, с другой стороны, наблюдаются и моменты дезинтеграции. В России – это общая для многочисленных народов страна, сложившаяся и развивающаяся на основе общей истории, духовных, патриотических ценностей, культуры, совместной борьбы против врагов отечества. Стержнем цементирующим это единство как уникальной цивилизации, как отмечает В. В. Путин, является русский народ, русская культура¹.

---

¹ Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 января.

По утверждению В. А. Тишкова, «этнические различия, т.е. различия по языку хозяйственным типам, социальной организации, бытовым традициям, обрядам, мировидению, имеют не менее древнюю историю»¹. В. А. Тишков, считает, что «малые человеческие коллективы на ранних стадиях истории должны были быть более культурно гомогенны, в любом случае говорить на одном языке, в групповых самоназваниях, а в социальной сфере – в собственной солидарности по отношению к «иноэтничным» другим»². Эти теоретические положения вполне применимы к анализу этнокультурной ситуации народов Кавказа, выявления при этом общие, особенные аспекты их взаимодействия как в прошлом, так и в настоящем.

Специфично функционирование этнокультурного и этноконфессионального многообразия, а также единство народов региона. В различных культурах народов Северного Кавказа тесно переплетаются древность и современность, исторически сложившиеся традиции и новые культурные тенденции. И эта онтологическая взаимосвязь настолько прочна, что обеспечивает прочность многовекового фундамента культурного бытия народов. Народы Кавказа отличаются консервативностью своих традиций, хотя и нередко поддаются культурному влиянию в ходе внешнего воздействия. Вместе с тем, важно отметить, что народы региона восприимчивы влиянию прогресса, придающего новый импульс для развития региональным экономикам и культурам. Но при этом их фундаментально-этнические основы жизни, культурные, мировоззренческие ценности сохраняются, не подвергаясь существенным трансформациям.

---

¹ Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013. – С. 497.

² Там же.

Историко-культурное развитие народов Кавказа, их мифо-мировоззренческие установки, общественное состояние позволяют выявить их общие этногенетические, духовно-культурные истоки. Просихождение народов Кавказа, их единение, особые черты, которые придают им отличительные особенности имеются в древнеармянских, древнегрузинских, средневековых дагестанских исторических хрониках.

Концепция этногенеза народов Кавказа отражена в ранне средневековых армянских исторических хрониках, например, принадлежащих М. Хоренаци, М. Каланкатуации, А. Ширакаци. Кавказоведы, изучающие этногенез этих народов, в своих исследованиях придерживаются данных этих хроник, придавая им свои интерпретации. В этой связи уместно отметить древнеармянские тексты, как «История древней Армении» Мовсеса Хоренаци (V в.), «История страны Алуани Мовсеса М. Каланкатуации», «География Армении» Анани Ширакаци (VII в.), «Картлис Цховреба» («Жизнь Картлийских царей») Леонти Мровели (XI в.), в которых представлена общая версия генезиса народов Кавказа, опирающаяся на сведения из Библии. Авторы этих текстов утверждают, что все народы Кавказа имели общего предка, от которого они произошли.

Так, М. Хоренаци в своей истории армян пишет о трех сыновьях библейского Ноя – Симе, Хаме и Иафете¹. Армяне, с его точки зрения являются, потомками Иафета, его правнука Таргома². В предисловии к книге «Жизнь Картлийских царей», написанной Г. Цулая отмечается, что «кавказские народы – армяне, картлийцы, раны, мовканы, эры, мегрелы, леки, кавкасины – были детьми одного отца, которого звали Таргамос и который через отца своего Таршиса и деда Иафета восходил к

---

¹ Хоренаци Мовсес. История Армении. – Ереван: Айастан, 1990. – С. 11-12.

² Там же. – С. 12.

библейскому Ною»¹. По утверждению Леонти Мровели, особенно выделялись восемь сыновей Таргамоса, многосильные и славные герои Гаос, Картлос, Бардос, Мовакан, Эрос, Лек, Кавкас, Эгрос, от которых возникли племена древнего Кавказа². Кавказ был поделен между этими сыновьями Таргамоса, внука библейского Иафета.

В этих исторических хрониках упоминаются названия народов Северного Кавказа, проживавшихся в горной его части, имеющие общее генетическое происхождение, родственные отношения. В этом отношении примечательно исследование Р. А. Габриелян, опирающееся на армянские источники V-VII вв. такие, как «Ашхарацуйц» (Анани Ширакаци), «История Армении» (Мовсес Хоренаци), «История страны Алуанк» (Мовсес Каганкатваци)³.

Абхазский историк Г. Д. Гумба, анализируя древнеармянские исторические хроники, опубликовал научный труд, посвященный истории и культуре нахов (чеченцев, ингушей, бацбийцев-цова-тушин) в первом тысячелетии до нашей эры⁴. В нем последовательно раскрываются исторические, культурные события древности, связанные с нахами, их этнокультурные связи с другими народами Кавказа - картвелами, армянами, урартийцами, персами и др., а также важные события, связанные с завоеваниями Кавказа. Он отмечает, что «на протяжении тысячелетий на Кавказ периодически проникали различные группы племен Передней Азии, а также племена степных кочевников – ираноязычные, тюркоязычные, финноугорские и другие, которые внедряясь в исконнокавказскую этническую среду, биологически

---

¹ Цулая Г. Предисловие // Жизнь Картлийских царей. – М.: Наука, 1979. – С. 3.

² Мровели Леонти. Жизнь Картлийских царей. – М.: Наука, 1979. – С. 21.

³ Габриелян Р. Армянские источники о Чечне и чеченцах // Чеченская Республика и чеченцы: история современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005. – М.: Наука, 2006. – С. 168-169.

⁴ См.: Гумба Г. Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). – Сухум: Абгосиздат, 2016. – 544 с.

смешиваясь с местным населением, сыграли немаловажную роль в процессе формирования ныне проживающих здесь народов»¹.

Г. Д. Гумба выясняет и такую особенность народов, населяющих северный и южный склоны Большого Кавказского хребта, считая их относящимися к одному антропологическому типу. По его мнению, «нахи (чеченцы, ингуши и бацбийцы), ираноязычные осетины, тюркоязычные карачаевцы и балкарцы, грузиноязычные горные этнографические группы современной Грузии (сваны Метийского и Метехского районов, хевсурсы, мохевцы, пшавы, тушины, мтиульцы и гудамкары), а также аварцы – андийцы и дидойцы Дагестана обнаруживают специфическое сходство в антропологических признаках, что свидетельствует об общности их происхождения и об их принадлежности к единому, особому, антропологическому типу, названному учеными кавказским»².

Нередко в ходе миграций, завоеваний часть иноземцев оседали среди кавказских этносов, принимая их образ жизни, культурные и религиозные ценности, привнося свои языковые, культурные, духовные традиции. Подобные процессы на Кавказе происходили не только в древнейший, древний периоды, а также в средние века, в период завоевательных походов арабов, сопряженные с распространением ислама. В этот процесс были вовлечены многочисленные племена Ближнего Востока, Ирана, Сирии, принявшие от арабов ислам. Так, в первой трети VII в. завоеватель Кавказа Маслама бен Абдулмалик заселил Дербенд 24 тысячами жителями, переселенными из Сирии на условиях выдачи жалования, в этом городе он построил амбар для

---

¹ Гумба Г. Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). – Сухум: Абгосиздат, 2016. – С. 110.

² Там же.

провизии, амбар для ячменя и склад для оружия¹. Он собирал подати во всех дагестанских владений и наполнил ими амбары для выдачи в случае необходимости жителям города и гарнизона².

Потомки этих переселенцев, ассимилировались с местным населением, растворились среди аварцев, лакцев, лезгин, но при этом сохранили историческую память о прошлом своих предков. Это пример того, как мусульманские завоеватели не только огнем и мечом распространяли ислам среди горцев Дагестана, но и управляли, вступая в браки с местным исламизированным населением, оседая в горах.

В исследованиях ученых предпринимаются попытки обосновать надэтническую общность коренных народов Кавказа как целостной данности. В связи с этим общекавказские генетические, социокультурные и цивилизационные ценности рассматриваются в исследованиях отечественных ученых: Ю. А. Жданова, В. Е. Давидовича, Р. Г. Абдулатипова, Г. В. Драча, А. А. Аникеева, О. Н. Домения, Я. В. Чеснова, Х. Г. Тхагапсоева, Р. Д. Хунагова, А. В. Лубского, В. Х. Акаева, В. В. Черноус, А. Ю. Шадже, М. М. Бетильмерзаевой, Б. Б. Нанаевой и др. В их исследованиях обосновывается этногенетическая и культурная общность народов Кавказа.

Отмечая общность происхождения народов Кавказа, устанавливая их мировоззренческое и историко-культурное единство, указанные выше авторы подвергают анализу древние мифологические сюжеты. Так, древний миф о титане Прометее, похитившим небесный огонь с Олимпа и дал его людям, он дал им знания, научил земледелию, ремеслам, чтению и письму, сделал жизнь людей счастливее³. За это он был наказан

---

¹ Шихсаидов А. Р. Ислам в Средневековом Дагестане (VII-XV вв.). – Махачкала, 1969. – С. 89.

² Там же.

³ Кун Н. А. Легенды Древней Греции и Рима. Боги и герои. – СПб.:СЗКЭО, 2019. – С. 133.

Зевсом-громовержцем, он был прикован к горе на Кавказе¹ и этот миф изложен в трагедии Эсхила «Прикованный Прометей». Этот миф нашел отражение в исследованиях ряда отечественных авторов – Ю. А. Жданова, К. З. Чокаева, О. Домения, В. Х. Акаева, которые рассматривают Прометея как символ стойкости, гуманизма, имеющий в культурах народов большое воспитательное значение. А разных народов Кавказа имеются. Вызывает научный интерес высказывание немецкого философа Гегель, считавшего Прометея родом из Кавказа².

Согласно греческой мифологии Прометей, во имя людей спасения людей, совершает подвиг, заведомо зная, что будет тираном Зевсом жестоко наказан. Безусловно, этот подвиг - высшая цель человеческой экзистенции³. Образ Прометея для европейских романтиков предстает символом безвинной жертвы тирании⁴.

Осмысливая что, выявляя значение этого мифа для мировой культуры, отечественный философ А. Н. Чанышев пишет, что афинский трагик Эсхил говорил, что Прометей наделил людей мыслью и речью, научил их астрономии и математике, домостроению и земледелию⁵.

В армянской и грузинской исторических хрониках мифологические истоки этногенеза какавказских народов, их культурная общность описрается на интерпретации отдельных положений библейского текста. Согласно Библии, спасаясь от всемирного потопа, который Бог послал на грешных людей, нарушавших его заповеди, пророк Ной, предупрежденный им, на созданном им ковчеге, спасается от неменуемой кары. С того момента, когда он пристал к горе Арарат

¹ Жданов Ю. А. Избранное в 3 т. Т. 2. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – С. 334.

² Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. - СПб.: «Наука», 1993. – С. 257.

³ Акаев В. Х. Кавказско-русское культурное взаимодействие: статика, динамика, синтез // Научная мысль Кавказа. – 2015 - № 3. - С. 84.

⁴ Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. – М.: Академический Проект, 2012. - С. 321.

⁵ Чанышев А. Н. Философия древнего мира. – М.: Высш. шк., 2003. – С. 165.

начинается новый этап размножения людей. Согласно грузинской исторической хронике «Жизнь Картлийских царей»¹ такие кавказские народы, как армяне, картлийцы, раны, мовоканы, эры мегрелы, леки и кавкасианы являлись «детьми одного отца, которого звали Таргамос и который через отца своего Таршиса и деда Иафета восходил к библейскому Ною»². Высказанное положение приводит абхазского исследователя О. Н. Домиения к мысли, что «между кавказскими народами существует некая объединяющая их общность»³.

Эволюция древних форм культурного бытования и взаимодействия народов Кавказа рассматриваются в работах авторов, анализирующих их материальные достижения, культуру строительства и возделывания земли, а также мифологические, религиозные, рациональные формы мышления.

Ю. А. Жданов, начиная с 60-х годов XX века, считая Кавказ метафизической точкой на земном шаре, своеобразным солнечным сплетением Евразии, удивительным мостом, соединяющим цивилизации Запада и Востока, последовательно обосновывал идею интеграции культур народов Северного Кавказа и России⁴. По его мнению, задача исследователей должна состоять в том, чтобы искать укреплять пути соединения связей между ними. В. Е. Давидович, высоко оценивая теоретические и методологические идеи Ю. А. Жданова о необходимости глубокого изучения культуры народов Кавказа, их цивилизационного развития, утверждал, что Ю. А. Жданов, опираясь на значительный пласт археологических, этнографических, исторических, мифологических

---

¹ Цулая Г. В. Предисловие // Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. – М.: Изд-во «Наука», 1979.

² Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. – М.: Изд-во «Наука», 1979. – С. 3.

³ Домиения О. Н. Кавказская культурная общность: миф или реальность? // Научная мысль Кавказа. – 2002. – № 1. – С. 46.

⁴ Жданов Ю. А. Солнечное сплетение Евразии. – Майкоп, 1999. – С. 9.

источников широкими мазками воссоздает пленительный образ Кавказа – чудесного уголка планеты¹.

Между тем экономические, культурные, научно-технические достижения народов Кавказа таковы, что они цивилизационно сближают их, укрепляя их единство. Сказанное подтверждает Р. Г. Абдулатипов, утверждающий: «При наличии самобытности и психологии каждого народа при сохранении на всех этапах истории объективно обусловленной взаимосвязи, взаимозависимости между ними, как и присущей им внутренней целостности, позволяет нам говорить о феномене кавказской цивилизации»². Интересно его высказывание о том, что «кавказская цивилизация со своей традиционной целостностью вовсе не исчерпала себя, а жаждет и ждет нового исторического витка в своем становлении»³. Идею целостности кавказской цивилизации обосновывает В. Е. Давидович⁴.

По мнению В. В. Черноуса, нельзя считать корректным утверждение о целостности Кавказа, поскольку в регионе существуют множество этносов, обладающие разными языками, верованиями, а также находящимися на различных ступенях социально-экономического развития. Это сопряжено с тем, что на Кавказ оказывали влияние различные цивилизации, придавшие определенные особенности культурам его народов. В. В. Черноус свою позицию обосновывает, полагая что «народы Северного Кавказа в разной степени включены в периферию

---

¹ Давидович В. Е. Культурологические штудии Юрия Жданова // Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск. – 2007. – С. 49.

² Абдулатипов Р. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. – 1995. - № 1. – С. 29.

³ Там же.

⁴ Давидович В. Е. Существует ли Кавказская цивилизация? // Научная мысль Кавказа. – 2002. – № 2. – С. 29.

древневосточных и античной цивилизаций, а затем в византийско-славянской и двухвекторной исламской (суннитской и шиитской)»¹.

Кавказская цивилизация, по мнению Х. Тхагапсоева, опирается на достижения тех этносов, которые «вплоть до новейшего времени не попали под влияние конкретной мировой религии или крупной цивилизации»². Таковыми этносами являются адыго-абхазов, балкарцев, карачаевцев, осетин (аланы), вайнахов, для которых характерна общность мифологии (нартского эпоса), форм этнического искусства, а главное - сходство форм и норм коммуникативной культуры, да и культуры в целом»³. Такая их культурная общность составляет базовый признак кавказской цивилизации. Материальная основа общности кавказской культуры и цивилизации, составляет «однотипность хозяйственно-бытового уклада, вытекающая из схожести природно-климатических и биосферных условий обитания кавказских этносов»⁴.

Единение народов Кавказа происходит через совместную деятельность, взаимную поддержку, через преодоление различных жизненных коллизий. Как отмечал Ю. А. Жданов передовые люди России мечтали о необходимости достижения братства, дружбы его народов. Он ставил важный вопрос, как преодолеть насаждаемые эксплуататорским обществом антогонизмы и противоречия между народами? Отвечая на него писал, что «первоначальный ответ заключался в том, чтобы устновливать дружеские, братские связи с народами Кавказа вопреки царям, наместникам, российским и кавказским жандармам, стремиться ко взаимному обмену, обогащению

---

¹ Черноус В. В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. – 2000. - № 2. – С. 32.

² Тхагапсоев Хажисмель. Модернизация на Северном Кавказе - ничто не мешает // <http://new.evrazia.org/print.php?id=2081>

³ Тхагапсоев Хажисмель. Модернизация на Северном Кавказе - ничто не мешает // <http://new.evrazia.org/print.php?id=2081>

⁴ Там же.

культурными ценностями, создавать и укреплять интернациональные связи через голову власть придержащих»¹.

Посредством преодоления жизненных противоречий, происходит культурная, политическая единение общества, цивилизационное развитие. Такая консолидация направлена на разрушительным силам, ввергающими людей, народы в пучину хаоса. Некоторые исследователи кавказскую надэтническую общность считают некоей данностью, однако ее природа, сущностные основания, механизмы функционирования и воспроизводства требуют соответствующего прояснения. По мнению Х. Тхагапсоева, отсутствует ответ на вопрос: «Каковы характерные особенности той или ной этнической культуры, которые способны позитивно «сработать» на процессы модернизации, демократические реформы, развитие рыночных отношений и минимизировать их социально-культурные издержки?»².

К кавказской цивилизации, по мнению Х. Тхагапсоева, можно отнести этносы, не оказавшиеся под «цивилизаторским» влиянием конкретной мировой религии или более крупной цивилизации. Адыго-абхазов, балкарцев, карачаевцев, осетин, чеченцев и ингушей, имеющие общую мифологию (нартский эпос), специфические формы этнического образа жизни, культуры³, он относит к кавказской цивилизации. Культурная общность, в том числе и схожесть антропологических черт, одежда, искусство, наличие общих мифов, этикет, характер поведения, им рассматривает, как основополагающий признак кавказской цивилизации⁴.

---

¹ Жданов Ю. А. Солнечное сплетение Евразии. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 1999. – С. 36.

² Тхагапсоев Хажисмель. Модернизация на Северном Кавказе – ничто не мешает // <http://new.evrazia.org/print.php?id=2081>

³ Там же.

⁴ Там же.

В силу специфики языковых, конфессиональных различий кавказские этносы нередко существенно отличаются друг от друга, что бывает сложно устанавливать их этнокультурную общность. Для народов Кавказа общими ценностями, как отмечалось выше, является искусство, верования, культура поведения, мифология. Важное место в мифологии многих народов региона занимает миф о Прометее, у каждого народа он имеет свои локальные отличительные особенности. Так, многие народы Кавказа имеют легенды о Прометее, который у них имеет разные имена. Грузины его называют Амиран, абхазы – Абрскил, лакцы – Амир, адыгейцы – Нарен Жаче, чеченцы – Пхармат, а ингуши – Курака.

Другими общими этнокультурными параметрами для народов Кавказа являются их адаты, этикет, застольная культура, одежда, хореографическое искусство, подчеркнутое уважение к старшим, старейшинам рода, институты аталычества и куначества. Эти компоненты непосредственно вплетены в коммуникативную практику, обеспечивая общность, единство и структурную однородность их социокультурного пространства¹.

Хозяйственно-бытовой уклад кавказцев имеет однотипный характер в силу схожести природно-климатических и биосферных условий их бытования. С этим сопряжены и культурно-коммуникативные формы бытия кавказцев. «На Кавказе издревле существовал целый спектр хозяйственной специализации, связанной с производством зерна в предгорьях, скотоводством в горных ущельях, металлообработкой в Дагестане, пчеловодством и деревообработкой в Черкессии и Кабарде и т.д. Это объективно способствовало кросс-

---

¹ Тхагапсоев Хажисмель. Модернизация на Северном Кавказе – ничто не мешает // <http://new.evrazia.org/print.php?id=2081>.

этническим и надэтническим формам хозяйственно-экономических отношений»¹.

Резюмируя сказанное, полагаем необходимо признать, что историческое развитие народов Северного Кавказа происходило в условиях сложного природно-ландшафтного ареала, миграционных потоков, часто связанных с завоевательными походами кочевников, нападением отдельных региональных держав. В связи с этим народам Кавказа приходилось отстаивать свой образ жизни, социокультурные, духовные, религиозные ценности. Они были вынуждены и адаптироваться к складывающейся социальной реальности.

Однако этногенетическое родство, культурная общность многих кавказских этносов, склоняли их к сотрудничеству, решению общих экономических, культурных, военных задач, объединению, сохраняя при этом культурные различия, отстаивая общие для них нравственно-этические ценности, образ жизни, мировосприятие. При наличии существующих различий между народами Кавказа – их объединяют - чувство принадлежности к общему ареалу, архетипам мифических образов, составляющих основу их менталитета. В ходе историко-культурного, духовного развития народов Кавказа им приходилось адаптироваться к различным религиям, которые активно принимали в регион как насильственными, так и ненасильственными средствами.

Новые мировоззренческие установки ими воспринимались с большой настороженностью, они не отказывались от своих ценностей, если это и происходило, то не сразу, а постепенно. Этот культурный консерватизм народов Кавказа сохраняется и поныне.

---

¹ Тхагапсоев Хажисмель. Модернизация на Северном Кавказе – ничто не мешает // <http://new.evrazia.org/print.php?id=2081>.

Проникновение христианства в Армению, Грузию связано с проповеднической деятельностью тридцати трех дев - подруг, которые вместе с римской царевной Рипсимэ, и наставницей их Гаяне, бежали из древнего Рима, спасаясь от гонения нечестивого царя Диоклетиана¹, который хотел жениться на царевне Рипсимэ. Святая Гаянэ вместе со своей воспитанницей Рипсимэ с благочествыми подругами решили бежать в далекие края, дабы спасти свою чистоту². Рипсимэ дала обет девства и уневестилась Небесному Жениху-Христу³.

Иногда утверждается, что христианство на Кавказ проник мирным способом. На самом деле этого не так. Армянский царь Трдат III, как утверждает процитированный автор, «возбужденный скотскою страстью, гневом и стыдом, отдал приказание подвергнуть святую мучениям». После жестоких мучений «Рипсимии вырезали язык, выкололи глаза и разрубили все тело ее на части. Точно такая же участь постигла и всех святых подруг святой Рипсимэ и наставницу их Гаяне»⁴.

Христианка Нино, которая была вместе с Рипсимэ, спаслась бегством, она добралась до Грузии и поселилась в Мцхета, где стала проповедовать христианство, совершая чудеса, исцеляя людей. Горцы Кавказа, обитавшие в Чалети, Ерцо, Тионети, и многие другие, под воздействием её проповедей о Христе приняли Евангелие. При этом они «уничтожили своих идолов и приняли крещение от пресвитера Иакова»⁵.

Распространение ислама среди народов Кавказа имело свои особенности, связанные с завоевательными походами арабов. Многие горцы, не желая отказываться от своих религиозных мировоззренческих

---

¹ Агапангелос. История Армении. – Ер., Наирн, 2004. – С. 59.

² Там же. – С. 63.

³ Святитель Димитрий Ростовский. Житие святой равноапостольной Нины, просветительницы Иберии // <https://pravoslavie.ru/59035.html>

⁴ Святитель Димитрий Ростовский. Житие святой равноапостольной Нины, просветительницы Иберии // <https://pravoslavie.ru/59035.html>.

⁵ Там же.

установок, оказывали сопротивление арабам. Происходили жестокие бои, в ходе которых погибло немало горцев, гибли и сами арабы, утверждавшие веру в единого Бога, посредством оружия. Под давлением воинственных арабов и их политики горцам приходилось менять свои верования, принимать ислама. Но имелись случаи, когда ислам принимался добровольно под влиянием эмоциональных проповедей мусульман о загробной жизни или же из-за выгодных в практическом отношении соображений.

Современное религиозное сознание народов Кавказа представляет собой синкретическое образование. В его структуре сохраняются элементы язычества, христианства, зороастризма, иудаизма и ислама. Если верующий является христианином, то безусловно, в его сознании доминируют христианские ценности, но при этом сохраняется определенная доля языческих ценностей, до сих пор не преодоленная в его духовной и практической жизни. Эта картина наблюдается в мировоззрении современных осетин, в котором сохранились элементы почитания языческих верований, христианских ценностей.

Такая же картина наблюдается и у мусульман. Мировоззрение мусульманина-кавказца не является строго гомогенным, хотя в нем преобладают исламские ценности, ориентирующие на единобожие, тем не менее, неисламские компоненты в нем также присутствуют, придавая ему синкретический характер. Безусловно, такая ситуация характерна для любого народа, ибо обычный верующий, православный или мусульманин, далеко не всегда освобождается в своём сознании домонотеистических пережитков.

Выводы:

Культурные истоки народов Северного Кавказа, с точки зрения мифологии, Библейских сюжетов гомогенны, они имеют общую этногенетическую, культурную основу. Как отмечалось выше, они сопряжены с языческой культурой, мифом о Прометее, Библейским преданием о происхождении потомков Иафета. Существующее на Кавказе многообразие народов, их языки, религиозные верования, хозяйственные особенности бытования, участие их в различных религиозно-политических событиях – подчеркивает их развитие через интеграционные и дезинтеграционные, изоляционные процессы.

Общая мифо-культурная традиция народов, общие обряды и этические нормы, многовековое проживание и взаимодействие на Кавказе – та основа, позволяющая выявить глубинные истоки их единства. Однако социально-экономические, военно-политические процессы, связанные с образованием государств, языковой фактор, распространение религий – часто способствовали отходу от общих корней, формированию отдельных народов, хотя монотеистические религии играли роль интеграции, объединения народов, владеющих разными языками, культурами, живущих в различных природно-климатических условиях.

С распадом СССР, образованием новой России, народы Кавказа лишились общей культурной, духовно-патриотической основы, формировавшейся в советский период, а также тех связей, которые скрепляли единство многих народов, наций и культур. В их основе имелись такие духовно-культурные ценности как братство, общественная собственность на средство производство, коллективизм, свобода, социализм, совместный труд, дружба, любовь к родине. Народы единой страны дорожили своей общей родиной и малой родиной.

О привязанности русского человека «к малой родине» пишет Я. В. Чесной. Это чувство он отмечает и народов Кавказа, языки, верования, культуры которых основательно изучал и отразил в своей новой книге, в которой пишет: «Отрое чувство малой родины – огромный человеческий потенциал России. И это счастливая особенность психологически переходит с этого уровня на уровень «большой родины» и той высоты, которая обычно называется отечеством, заботливо печалиться и деяними по возможности обихоживать малую родину, облекать её заботой»¹.

Разрушив «старый» духовно-культурный мир в нашей общей стране, в её регионах, в частности на Северном Кавказе, строится альтернативный мир, основанный на демократии, либерализме, порождающие эгоистичный индивидуализм, атомизирующие общества, проповедующий абсолютную свободу, широкое богоборческое мировоззрение, плюрализм, мультикультурализм, нищету моральной позиции.

Духовно-культурное бытие, основанное на современных ценностях, атомизирующих не только общество, но семью, разрывающие исторически сложившиеся общие связи и отношения, традиционное духовно-культурное единство неприемлемо для народов Северного Кавказа. Лишенные общих культурных, духовных ценностей, которые у них формировались в далеком прошлом, а также в период советской власти они не приемлют либерально-демократический образ жизни, где распространенным становятся антитрадиционные, безнравственные явления, все больше распространяющиеся в Европе, на основе которых воспитываются дети, подрастающие поколения.

---

¹ Чеснов Я. В. Народная культура. Философско-антропологический подход. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. - С. 468-469.

Для народов Северного Кавказа прочной основой являются исторические и культурные традиции, которые тысячелетиями соблюдаются, отстаиваются. Родство, братство, взаимная поддержка, честь, достоинство, обязательность, отстаивание общих семейных, родовых, народных интересов - база, та крепость за которой они хотят выжить, сохранить себя. Но при этом они не отказываются от цивилизационных достижений, принимая те ценности, которые не оставят их на обочину цивилизации. Общее в мировосприятии народов региона все ещё сохраняется, оно для них фундаментально, но при этом особенное, опирается на нем, придавая ему некий специфический региональный характер.

Это означает что, народы Северного Кавказа, остаются на консервативных позициях, принимая приемлемые для них научно-технологические, социальные достижения, постепенно адаптируясь к современности. Их желание двигаться в формате глобализационных трансформаций, разрушающих культурные, духовные истоки, не является ярко выраженным. Их образ жизни, духовное состояние имеют синкретический характер, что означает их жизненность, приземленность и ориентированность на эволюционное развитие.

1.2 Этнокультурные и языковые различия народов Северного Кавказа

Онтологическое основание духовной культуры народов Кавказа состоит в их этнокультурном и этноконфессиональном многообразии, которое в своей совокупности образуют некую синкретическую целостность. Это состояние формировалось в течение многих веков при этом происходила как изоляция, так и взаимодействие с внешним миром. В этой связи примечательна мысль Ю. А. Жданова: «На планете не существует региона, где жили бы длительно и совместно сотни народов. Армяне и грузины, азербайджанцы и кабардинцы, курды и таты, балкарцы и адыги, русские и евреи, аварцы и лезгины, кумыки и даргинцы, греки и украинцы, карчаевцы и осетины, чеченцы и ингуши; вот в одном Дагестане свыше сорока народов»¹.

Сильно пересеченная местность в Дагестане привела тому, что у многих дагестанских народов языки, их грамматический строй существенно отличаются друг от друга. Так, аварцы, живущие в Анди, Цумада, Цунта, Хунзах, Закатальском районе Азербайджана имеют выраженные различия в языке и совершенно разные грамматики.

Многообразие народов Кавказа, их региональные, ландшафтные расположения, образ жизни, языковые и религиозные особенности эпизодически описаны первым греческим историком Гекатеем Милетским (550-490 гг. до н.э.) и отцом истории Геродотом и географом Страбоном.

В сочинениях Гекатея Милетского содержатся древнейшие свидетельства о скифах и кавказских племенах. Он выделяет такие скифские племена, как механхлены, моссиники (с ними соседствовали

---

¹ Жданов Ю. А. Избранное. В 3 т. Т. 3. – Ростов на/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – С. 326.

мары), миргеты, матикеты, исепы, иамы, эды, исседоны. По его мнению, кавказские племена и их территориальное расположение на Кавказе – это дандарии народ у Кавказа, иксибаты народ у Понта, катанны народ у Каспийского моря, кораксы - племя колхов, вблизи колдов, колы народ у Кавказа, мосхи - племя колхов, соседние в матиенами, хои, вехиры, дизиры, макроны, санны, халибы.

В этих древних названиях племен Кавказа вполне узнаются некоторые современные кавказские народы, сохранившие свои обычаи, традиции, языки, религиозные верования, культурные ценности, территории проживания. А иные кавказские племена ассимилировались, поменяли свои племенные названия и дошли до настоящего времени.

В «Истории» Геродота (485-425 гг. до н.э.) упоминается много новых племен, этносов, некоторые из них названы и Гекатеем Милетским, например, матиены, саспиры и алародии, мосхи, тибарены, макроны, массиники¹, скифы, иапиги, агафирсы, нефры, меланхлены, гелоны, матиены, совраматы². Многие из этих народов сохранились до сегодняшнего дня, хотя и поменяли свои этнические названия, хотя при этом сохранили свои языки, культурные архетипы, ментальные особенности.

В «Географии» Страбона (64-24 гг. до н.э.) дается описание Кавказа и такого его древнего торгового города, как Диоскуриада (нынешний Сухум). Он пишет, что «во всяком случае в этот город собираются 70 народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300). Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Большинство из

---

¹ Геродот. История в девяти книгах. – Ленинград: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1972. – С. 168.

² Там же. – С. 212–213.

их – это сарматы, но все они кавказцы»¹, которые придерживались своих обычаев, верований, традиций.

Названные им племена, которые были в торговых и культурных взаимоотношениях на Кавказе – это «ахейцы, зиги, гениохи, керкеты, мосхи, колхи, фтирофаги, соаны и другие небольшие народности около Кавказа»².

Страбон описывает страну мосхов, имеющая святилище, которая делится «на три части: одна часть под властью колхов, другая иберийцев, святилище, которое находилось в стране мосхов, а третьей владеют армяне»³. Мосхи – это нахаязычное племя, которое в настоящее время проживает в Грузии и дислоцируется на границе с пшавами, хевсурами, цова-тушинами. По своему этногенезу – это родственный чеченцам и ингушам этнос, а по религиозным воззрениям они являются христианами.

Большое место в «Географии» Страбона уделяется описанию таких кавказских стран, как Иберия, Колхида, Албания, приведена география их расположения, названы народы, их населяющие, описаны их обычаи, традиции. Страна Албания в древности населяла много племен, говорящих на 26 языках, что нелегко вступали они в сношения друг с другом. Страбон отмечает, что эти племена были язычниками, почитавшими Гелия, Зевса и Силену, в особенности же Селену, святилище которой находится вблизи Иберии⁴. В этом святилище совершались человеческие жертвоприношения.

В горах Албании проживали скифские племена гелов и легов, а также амазонки, которые жили в соседстве с гаргарейцами в северных

---

¹ Страбон. География в 17 книгах. – М.: Научн.- изд. центр «Ладомир», 1994. – С. 472.

² Там же. – С. 472.

³ Там же. – С. 473.

⁴ Там же. – С. 477.

предгорьях Кавказских гор, называемые Керавнийскими¹ – это северо-восточная часть Кавказа, расположенная вдоль Каспийского моря. Племена гелов и леков, отмеченные Страбоном, дислоцировались в горах северо-восточной части Кавказа. В Кавказской Албании, как отмечают античные авторы проживали 26 племен, к числу которых относились каспии, удины, албаны, гаргареи, мики, кеты, сильвы, лбины-лупиены, соды-исонды, гелы, леги, дидуры, тидии и др.² Этих народов исследователи идентифицируют с некоторыми современными народами Дагестана. Так, «гелов и лакцев принято связывать с предками современных аварцев, даргинцев, лакцев и лезгин»³.

Современные историки, авторы «Истории Дагестана» и «Истории лакцев», уделяют большое внимание рассмотрению двух народов из Алпанской области Лакз, гелов и легов, идентифицируя леков с лакцами, а относительно гелов строятся догадки. М. Рамазанов утверждает, что Лакз – на самом деле это область проживания лакцев. Они сами себя называли лак, что в древности означало «человек». Но лакцы в этой области жили не одни, рядом с ними жили и гелы. Армянский историк V века Моисей Хоренаци отмечал, что «Месроп при помощи их (албанов) создал письменного гаргарского, говора богатого гортанными звуками»⁴. Месроп Маштоц – армянский просветитель, автор алпанского (или албанского) алфавита, созданного в начале V в.

По мнению А. Шанидзе расцвет албанской письменности приходится на V–VIII вв., когда албаны во всех областях политической Кавказа принимали деятельное участие вместе с грузинами и армянами⁵.

¹ Страбон. География в 17 книгах. – М.: Научн.- изд. центр «Ладомир», 1994. – С. 477.

² История Дагестана с древнейших времен до наших дней / Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. – М.: Наука, 2004. – С. 128.

³ Там же.

⁴ Абдурагимов Г. А. Кавказская Албания – Лезгистан: история и современность. – С.-Петербург, 1995. – С. 31.

⁵ Там же. – С. 32.

Как отмечает М. Рамазанов, албанское письмо называется скелетным, слово записывалось двумя буквами «гъл», римские же историки «гъ» читали как «г», поскольку гласных не было, то между «г» и «л» ставили нейтральное гласное «е», как и в слове лек вместо лак, а о первом гласном звуке в слове не знали. По мнению, М. Рамазанова, «в римской и византийской истории агульский этнос стал упоминаться как гелы»¹.

Безусловно, этническое, языковое многообразие на Кавказе, судя по древнегреческим историко-географическим текстам - явление уникальное, особенное, но и по истечению более двух тысячелетий таковой она остается и поныне.

Специфика этнокультурной, духовно-культурной ситуации на Кавказе получила свое выпуклое отражение в мифах и легендах об этом регионе, а также его народов. Здесь нужно выделить такой культурный комплекс, каким является нартский эпос – уникальное литературное, духовно-культурное творчество, сложившийся у многих народов региона. Кавказ представляет собой многообразие этносов с их обычаями, традициями, верованиями, языковыми различиями, локальными культурами, наличие которых создает впечатление об их разрозненности, изолированности, диффузности.

Вместе с тем, Кавказ – это и этническая устойчивость, единство, общность. Внутреннюю связь этнических культур кавказцев, их устойчивость показывает нартский эпос, получивший широкое развитие у разных народов Северного Кавказа. Этот культурный комплекс оформился в языческие времена, когда мировоззрение кавказских народов основывалось на древних верованиях, мифологии, воинственной

---

¹ Рамазанов М. История агульского этноса, отразившаяся в его языке // Народы Дагестана. – 2013. – № 4.

жизни, а их поведение находилось в зависимости от «действий» языческих богов, управляющих погодой, землей, небом, проявляя к ним милосердие или гнев.

Отмечая эту ситуацию, в нарстком эпосе, утверждается: «Нартский мир населен верховными существами, которые иногда благоприятствуют нартам, иногда же им враждебны»¹. Этот мир нартов вымышлен кавказцами, он идеален, в нем царствует добро и зло, между ними идет борьба. Между собой непрерывно борются нарты, боги и мифические существа. Нарты в борьбе со злом побеждают.

Наряду с существованием этого богоборческого образа жизни нартов, в кавказских культурах важное место занимает и диалог, в котором содержатся внутренние механизмы его функционирования. Таковыми являются аталычество, куначество, запрет кровнородственных браков, особенности осуществления кровной мести, примирение кровников, побратимство. В образе жизни народов Кавказа кровную месть избегали бегством молодых мужчин за пределы территории рода, племени, часто беглецы включались в этническую культуру сопредельного племени, ассимилировались с ним, теряя при этом прежние родственные связи, хотя потомки сохраняли память о своих прежних этнических корнях.

Культуры народов Кавказа находятся во взаимосвязи, в диалоге, что позволяет преодолевать их самозамкнутость, консервативную сущность, вбирая культурные новации. Открытость к диалогу с иными культурными ценностями, сохраняя при этом этническую самобытность – важнейшая духовно-культурная особенность Кавказа. Открытость и диалогический характер кавказских культур восходит к нартскому эпосу, составной частью которого является этикет. В своих этнических

---

¹ Нарты. Кабардинский эпос. – М., 1957. – С. 5.

вариантах этикет народов Кавказа, реконструированные усилиями современной этнографии, в частности, адыгский этикет¹, включает в себя универсальные компоненты, поскольку являются собой систему, выражающуюся чувства и мысли, правила регулирующие отношения людей, коммуникативные связи и поведенческие нормы, что вписываются в традиции античной философии, как философии жизни². Между тем этикет народов Кавказа составляет общую основу их ментальности и культуры.

Конкретизируя суть этики адыгов, Б. Х. Бгажноков выявляет такие его черты, которые характерны поведению и образу жизни многих народов Северного Кавказа – это человечность, почтительность, скромность, деликатность, мужество, щедрость, справедливость, благоразумие и др.³ Эти ценности ментально-нравственной шкалы горцев цементируют образ жизни горцев, их поведенческие установки и сохраняют свою духовную, социальную значимость и даже в условиях утверждения ислама. Более того, ислам придал им сакральный смысл.

Особенность диалога культур народов Кавказа заключается в том, что он ведется посредством преодоления множества языковых барьеров, опираясь при этом «на общность знаково-символической и сюжетно-событийной интерпретации мира, фиксируемую эпосом»⁴. Будучи системой отношений, выражающие в знаках действия человека, социума, кавказский этикет утверждает смысло-жизненные позиции. Оригинальность этой жизненной философии заключается в том, что она проявляется не только в словах, фигурах речи, но и прежде всего — «в знаковых действиях (деяниях) — в общедоступной, общекавказской

---

¹ Тхагапсоев Хажисмель. Модернизация на Северном Кавказе – ничто не мешает // <http://new.evrazia.org/print.php?id=2081>.

² Там же.

³ Бгажноков Б. Х. Адыгейская этика. – Нальчик: Изд. Центр «ЭЛЬ-ФА», 1999. – С. 16.

⁴ Там же.

семиотике этикета, в языке и знаках «должного» поведения, «должных» межродовых, межплеменных и межличностных отношений»¹. Этикет народов Северного Кавказа является как социальный институт способствует обучению членов этноса, освоению его культурных ценностей, реализации определенных форм деятельности и поведенческих установок.

Нартский эпос формирует у кавказцев основу их поведенческого отношения друг к другу, характеризует происхождение их культур. В этой связи этикет представляет собой эффективный механизм, организовывающий регулирующий коллективную знаковую форму деятельности. Сказанное определяет особенности функционирования культуры народов Кавказа, в том числе и мифопоэтическую ее форму.

«Столь далекие друг от друга по корням и истокам, образному миру и эстетике культуры, как японская и кавказская, оказываются схожими по всеохватности и активной роли этикета в системе культуры»². В определенной мере это связано с запоздалым преодолением общинно-родовых отношений, отсутствием рабовладельческих отношений, наличием военно-феодалных форм организации общества до XIX века. Сам такой общественный уклад, формировал гетерогенную, синкретическую культуру, функционировавшую посредством особых форм коммуникаций.

Развитый этикет формируется как важный аспект и механизм, саморегулирующую гетерогенную культуру. Надо признать и то, что истоки такой культуры кавказских народов, ее образно-смысловые формы, поведенческие установки, особенности этнической психологии восходят к нартскому эпосу. Являясь универсальным регулятором

---

¹ Бгажноков Б. Х. Адыгейская этика. – Нальчик: Изд. Центр «ЭЛЬ-ФА», 1999. – С. 16.

² Там же.

коллективной знаковой деятельности социума, кавказский этикет отдельного этноса коррелируется со смысловыми проявлениями нартского эпоса, определяющими поведение человека в любых жизненных ситуациях, в том числе и опасных.

В творчестве А. С. Пушкина психологический портрет личности складывается и детализируется на основе общих культурных ценностей народов Кавказа. Выразительно он представлен в поэме «Кавказский пленник» А. С. Пушкина. Портрет энергичного кавказца, устремленного к цели, подчеркивает «движений вольных быстроту, и легкость ног и силу длани». В поэтической форме и с восхищением описывает он образ вольного черкеса: «черкес проворный», «летел по воле скакуна», «ничто его не тяготит, ничто не брякнет; пеший, конный — все тот же он; все тот же вид – непобедимый, непреклонный»¹.

А. С. Пушкин образно, динамично изобразил портрет кавказской вольной личности, устремленной к осуществлению решительного действия. Сегодня в культурах народов Кавказа ситуация иная, ибо многое подверглось изменению, но этикет кавказцев не отброшен, он функционирует и в современных условиях. Устойчивость системы кавказской культуры можно объяснить его востребованностью в условиях размытости традиций, попыток навязывания ценностей бездуховной массовой культуры, когда атомизируются человеческие взаимоотношений, разрываются коллективные традиции. Но эффективность традиций, имеющие конвенциональный характер, сохраняются, их перечеркнуть.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть такие черты, как динамичность, мобильность - глубинная, внутренняя сущность личности

---

¹ Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. «Евгений Онегин». Драматические произведения. Проза. – М.: Эксмо, 2007. – С. 160.

кавказского типа, а этикет является его коммуникационным проявлением. Тем временем героический нартский эпос составляет культуру-ментальную, культуру-философскую основу, формирующая личность и общество на Кавказе.

Культурная общность народов Кавказа характеризуется наличием не только этикета но и такими невербальными явлениями, как музыка, танцы, ритуалы, обычаи, традиции, эстетические формы освоения мира. Но это вовсе не означает отсутствие различий и собственной самобытности у них, их особенных этнических культурах и мировидения. Почти все кавказские этнические культуры сходны в своей экспрессивности, состязательному духу с древнегреческой культурой. Вместе с тем, большинство кавказских этносов в социально-поведенческом отношении ближе к ценностям восточной культуры, чем западной. Это близость отражается в их коллективизме, терпеливости, принятии авторитарной власти. В социокультурное бытие многих кавказских этносов противоречиво в силу их приверженности к древним традициям, проявляющиеся в соблюдении адатов, почитании ценностей ислама, существовании высокого статуса женщины, играющей важную роль в обществе. Подобных примеров в народной культуре немало.

Язык считается душой народа, а по мнению Э. Кассирера, язык - это форма «саморазвертывания его духа», универсальный выразитель культуры, ментальности этноса, всех их духовно-культурных особенностей. Кассирер отмечает, что «мир языка заключает человека в свои объятия в тот момент, когда он направляет на него свой взгляд, с такой же определенностью и необходимостью, а кроме того, с такой же «объективностью», какая характеризует его отношения с миром вещей». По его мнению: «Вся магия слова и имени основана именно на этой предпосылке, согласно которой мир вещей и мир имен представляют

собой единую действительность, потому что едино и неразделимо связывающее их взаимодействие. В каждом из этих миров имеет место одна и та же форма субстанции и одна и та же форма каузальности, и именно она объединяет их в одно замкнутое целое»¹. Язык аккумулирует в себе всю семиотическую систему культуры, позволяет индивиду ориентироваться в мире культуры.

По Хайдеггеру, подлинный язык - это нечто большее, чем доступный человеческий язык, это царство, из которого человек вышел и к которому он прикован незримыми цепями. Он заявляет, что «человек - есть человек» - поскольку он отдан в распоряжение языка и используется языком, чтобы говорить на нем. А это означает то, что не мы говорим языком, а язык говорит нами и через нас. В такой трактовке язык уже не является атрибутом человеческого бытия, а скорее он - субъект. Хайдеггер часто подчеркивал, что «не мы говорим на языке, а язык говорит нами»². Высказывание Хайдеггера оригинально, конечно же мы говорим на языке, каждый народ имеет свой язык и на нем его представители общаются, сочиняют мифы, мировоззренческие ценности, которые передаются из поколения в поколение, тем самым развивая язык. Конечно же, представители этноса говорят на родных языках, общаются на нем внутри своих общин, социальных групп. Но в тоже самое время язык говорит нами, ибо люди, коммуницируя друг с другом, передают свои чувства, настроения, знания, реализуемые в различных формах деятельности, проявляющиеся в скульптуре, сочинениях, технике и т.д. Через определенную форму деятельности язык создает культуру. На различных языках печатается литература, философские и научные труды, освоение которых развивает человека, общество, формирует

---

¹ Кассирер Эрнст. Философия символических форм. Том 1. Язык. - М.; СПб.: Ун. книга, 2002. - С. 51.

² Хайдеггер Мартин. Язык. - С.-Петербург, 1991. - С. 19.

социальную, духовную реальность, имеющие свои особенные и общие проявления. Но в то же самое время язык говорит нами, то есть язык через человеческую деятельность формирует образ жизни, культурные ценности, ментальные состояния. Через особенности языка раскрываются истоки этнической культуры, ее эволюция, пересечение с другими культурами, внутренние противоречия.

Надо отметить, что развитие языков и культур Запада сформировали языковые средства абстрактного мышления, глобальные коммуникации, рациональное философствование, когда в восточных рациональных средствах бытует иносказательность, образность, многозначность, красочное обилие оттенков.

В свое время Н. Ф. Дубровин писал, что «все население абхазского племени, в религиозном отношении, делится на три части: православных христиан, магометан и язычников, или людей не исповедующих никакой религии, а поклоняющихся божествам, ими самим созданным»¹. Эта полирелигиозная, синкретическая ситуация в прошлом была характерна для многих народов Кавказа, в определенной мере она характерна и для современности.

Этнические культуры на Кавказа содержат в себе разнообразные противоречия, что сопряжено сочетанием как древних форм образного видения мира, этико-эстетических традиций мифологии, а также проникновением разных новаций, связанных с принятием христианства, ислама, а также ценностей научно-технического развития. Касаясь данного аспекта, С. Мафедзев отмечает, что адыгские тхьэль¹лу (моление) – составляющая культуры адыгов, с принятием ислама были приспособлены к новым условиям, а быт адыгов вошли мусульманские

---

¹ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Народы, населяющие Закавказье. Т. 2. – М.: Центрполиграф, 2019. – С. 24.

ценности, обряды, а в годы бытования атеизма велась борьба с древними, исламскими традициями как пережитками «проклятого» прошлого¹. Сегодня ситуация стала другой, те, кто преследовал традиции своих народов ныне превратились в рьяных последователей, стали посещать церкви, мечети, даже проповедовать религиозных ценностей. Социальные и духовные процессы порою резко меняют образ жизни, мировоззренческие установки людей. По мнению М. Мамардашвили, традиции и наследие как культурные компоненты содержат определенные термины, вне которых не существует сознание и эти символы закреплены в мифах, религии и о них говорит философия².

Конечно же, отмеченные явления отражаются в литературе, философии народов Кавказа. В этих формах духовной культуры происходит описание, осмысление взаимосвязи традиций и новаций, современное развитие этнической культуры, находящейся под воздействием модернизационных и глобализационных трансформаций. Важно отметить, что такое осмысление опирается на нартский эпос, на различные его сюжеты, нравственно-этические ценности, присущие народам. При этом происходит образное и рациональное видение мира, его выражение в системе категорий, нравственных, когнитивных ценностей. Тем самым осуществляется выражение этнического, эстетического, культурного, самосознания народов Кавказа.

Культурное развитие кавказских этносов обусловлено их активным взаимодействием со многими культурами народов России и мира, что сопряжено с воздействием различных средств коммуникаций, предметов быта, техники, технологий. В этой ситуации роль нартского эпоса в

---

¹ Мафедзев С. Х. Кавказ: Адыгэ хабзэ. Обычай и традиции. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2019. – С. 380.

² Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии. (Опыт физической метафизики). – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. – С. 18.

культурагенезе народов Кавказа все еще сохраняется, будучи эффективным фактором духовного объединения этносов, но при этом возрастает роль современных бытовых и информационных коммуникаций. Здесь важно отметить, что модернизационные процессы в обществе меняют соотношение культурных традиций и инноваций. Современные культурные, технологические инновации противоположны культурным традициям, сохраняющим мифологическое сознание, порою сковывающим свободу мыслей, действий, ограничивающим рост знаний, научно-технологическое развитие. Хотя современные новации проникают в этнокультурную сферу, внося в нее свои изменения, касающиеся периферии, но только не базовых ее ценностей, определяющих ее сущность.

Каждый этнос на основе своего языка, обычаев, традиций, ментальности и т.д. «формирует свое видение мира»¹. Надо признать, что для традиционных культур народов Кавказа, в том числе и для этнической культуры чеченцев, прогресс также не является линейным, односторонне направленным, он скорее имеет циклический характер².

В культуре всегда осуществляется диалог традиций и инноваций, нацеленный на преодоление противоречий между старым и новым, в этой сложной и длительной борьбе традиции надолго сохраняются как ядровые компоненты, когда периферия включает в себя, заимствования, в том числе элементы массовой культуры. Культурный мир народов Кавказа – это многообразие артефактов, знаков (в том числе и языковых), смыслов, они не отвергают «иные» культурные ценности, вбирают их, расширяя это культурное многообразие. И это четко просматривается на примере истории и культуры народов Кавказа. Культуры народов

---

¹ Акаев В. Х., Нанаева Б. Б., Акаев А. В. Религия в традиционной культуре чеченцев: миротворческие и толератные отношения. – Махачкала: АЛЕФ, 2020. – С. 14.

² Там же.

Кавказа исторически развивались пересекаясь, взаимодействуя, заимствуя культурные ценности народов Востока и Запада, что приводило их к обогащению, а стало быть и развитию.

Выводы:

Этнокультурное, языковое многообразие народов Кавказа имеет длительную историю своего становления, в ходе которого шло формирование их поведенческих установок, системы культурных, духовных ценностей. Среди народов Кавказа историко-культурная традиция выделяет древних обитателей, связанных с его ландшафтом, указывая места территориального расположения, подчеркивая языковую, религиозную принадлежность. Ещё на заре советской власти Н. Я. Марр дал четкую картину о коренных обитателях Кавказа, к которым относил: картвелов, мегрелов, чанов (лазы), сванов, аваров, лаков, даргинцев, удинов, чеченцев, ингушей, цова-тушин, черкесов, абхазов и др.¹

История пребывания аборигенов на Кавказе восходит к глубокой древности, каждый из этих этносов прошел свой особый социальный, духовно-культурный, политический путь. Но при этом они формировались на основе общих для них духовных ценностей, сначала имевшие мифологический характер (нартский эпос), затем и с принятием христианства, а позже и ислама. Ими осваивались религиозные ценности, часто являвшимися для них в качестве общих. Конечно же нартский эпос в течение многих веков составлял духовный фактор, проясняющий особенности культуригенеза кавказских этносов. Безусловно, он являлся источником формирования в определенной мере духовно-культурной

---

¹ Марр Н. Я. Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа. – Петроград, 1920. – С. 31.

системы народов Кавказа, формируя общие представления о мире и человеке, добре и зле, истине и справедливости. Эти общечеловеческие ценности вырабатывались в ходе длительного развития культуры, ее важнейших компонентов, используемых из поколения в поколение при этом формировалась и соответствующая этика народов Кавказа.

Вместе с тем, развитие культуры многих народов Кавказа сопряжено и с освоением общих ценностей ислама, формируя соответствующее мировоззрение, поведенческие установки, нравственные императивы. На основе переплетения разнообразных духовных установок многих народов Кавказа приводит к формированию у них неоднородного мировоззрения, сочетающее в себе общие и особенные ценности. А само это явление имеет синкретический характер.

1.3 Религиозно-культурные особенности мусульманских народов региона

Несмотря на этногенетическую близость народы Северного Кавказа в этническом и духовно-культурном отношении не являются однородными. Здесь существуют этносы, которые отличаются различным происхождением, придерживающихся разных верований, говорящие на разных языках. Выделяются народы, относящиеся к иберийско-кавказской группе языков, тюркской группе языков, индоевропейской семье языков, а также к семитским языкам. Эти народы исповедуют такие религии, как иудаизм, зороастризм, христианство, ислам. Северный Кавказ представляет собой специфическую мозаику

этносов, языков, верований, образующую целостную, но пеструю этнокультурную картину. Их общее историко-культурное, духовное развитие, совместное проживание, коммуникации, противодействие захватчикам составили основу этой социокультурной целостности.

Процессы этно и культурогнеза генега народов Северного Кавказа в современных условиях продолжаются и они основаны не только на развитии своих этнокультурных ценностей, но и на основе восприятия инокультурных ценностей, освоения русского языка, русской культуры, демократических ценностей интегрирует их в единое Российское государство.

Народы, исповедующие различные религиозные верования, формировавшие этнокультурное многообразие проживают в Республике Дагестан, Чеченской Республике, Республике Ингушетия, Северной Осетии-Алания, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Ставропольском крае, входя в Северо-Кавказский федеральный округ, а также в Республике Адыгея, входящей в Южный федеральный округ Российской Федерации.

Республика Дагестан, среди отмеченных субъектов СКФО, отличается широким многообразием этносов, языков, религий, образующих этнокультурную и этноконфессиональную пестроту. На территории в 50,3 тыс. кв. км в Дагестане проживают представители более 100 народностей, которые относятся к трем языковым семьям: дагестанско-нахской ветви иберийско-кавказской семьи языков, тюркской группе алтайской семье языков и индоевропейской семье языков. Языки аварцев, андо-цезов, арчинцев, агулов, даргинцев, кайтагцев, кубачинцев, лакцев, лезгин, рутульцев, табасаран, цахуров, чеченцев относятся к дагестанско-нахской группе иберийско-кавказской семье языков. К тюркской группе алтайской языковой семьи относятся

языки кумыков, ногайцев, азербайджанцев (включая терекмейцев) и татар. Индоевропейскую семью языков составляют языки русских, украинцев, белорусов (славянская группа), горских евреев, татов, персов (иранская группа), армян и других и народов¹.

Известный отечественный философ М. И. Билалов, пишет об уникальности этнокультурной реальности Дагестана. Отмечая влияние иудаизма, христианства и ислама на народы Дагестана, он утверждает, что «мало кого обогащало столько цивилизаций и целостных мировоззрений»², как народы Дагестана. Выделяет такую этногенетическую особенность дагестанцев, что они «не растворились среди гуннов, сасанидов, турок, хотя и не прошли все стадии этногенеза (по Л. Гумилеву) – рост, акматическую фазу с «перегревами» пассионарности, надломом, инерционную фазу и переход к гомеостазу»³.

В Конституции Республики Дагестан отсутствует титульная нация, но при этом 4 этноса наделены ее политическими атрибутами. Население Республики Дагестана в 2020 году составило 3 110 858 чел.⁴ Сегодня народы Дагестана придерживаются верований: зороастризм, иудаизм, христианство, ислам. Преобладающая часть населения в этой республике являются мусульманами, придерживающихся суннитского направления ислама. В быту некоторые дагестанских этносов сохраняются архаические религиозные обряды⁵. Так, элементы зороастризма присутствуют в мифах, легендах даргинцев, лакцев, аварцев, табасаранцев. На народы Дагестана зороастризм оказывал влияние через Иран, правители которого нередко предпринимали попытки покорить их

¹ Народы Дагестана. – М.: Наука, 2002. – С. 36.

² Билалов М. И. Дагестан в культуре цивилизации. – Махачкала: ГУ «Дагестанское книжное изд-во», 2010. – С. 66.

³ Там же.

⁴ Население Дагестана // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%81...>

⁵ Курбанов М. Р., Курбанов Г. М., Религии в истории народов Дагестана. – Махачкала: Изд. Дом «Народы Дагестана», 2006. – С. 35-60.

себе. Персы осуществляли строительство крепостей, храмов, распространяли среди народов Дагестана ценности зороастризма. Древнегреческий историк и географ Страбон пишет о том, что границы империи Ахеменидов простирались до албанских ворот, то есть до южного Дагестана, который входил в древнее государство – Кавказская Албания. Позже это государство было завоевано сасанидским царем Шапуром I. Религия зороастризм при этом царе составляла религиозную основу Сасанидской империи.

В работах греческих, христианских и мусульманских авторов V века до нашей эры и X века новой эры встречается подробное описание зороастризма. Сама эта религия, будучи синтезом монотеизма и дуализма, и сохранялась и после арабского завоевания Ирана, она не исчезло и в Дагестане. Среди некоторых народов этого региона встречается исполнение обрядов зороастрийцев. Храм зороастрийцев существовал и в цитадели Нарын-Кала крепости Дербент. Такие востоковеды, как В. Миллер, М. Ковалевский, Ж. Дюмизель полагают, что «иранская цивилизация, зороастризм оставили глубокий след в обычаях, легендах и верованиях народов Кавказа, в том числе и Дагестана»¹.

На территории Дагестана археологами обнаружены «погребальные каменные ящики, массивные зольники, надмогильные стелы на кладбищах с высеченными геральдическими изображениями, напоминающими зороастрийский символ развернутых крыльев»². Раскопки были проведены в дореволюции, советское время и настоящее время проводятся они эффективно. В различных фольклорных сюжетах народов Дагестана сохраняется значительный пласт зороастрийских

---

¹ Курбанов М. Р., Курбанов Г. М., Религии в истории народов Дагестана. – Махачкала: Изд. Дом «Народы Дагестана», 2006. – С. 77.

² Там же. – С. 79

божеств. Надо признать и то, что под натиском ислама ценности зороастризма в представлении народов Дагестана вытесняются, хотя её следы сохраняются в народных культурах этносов южного Дагестана.

Культура народов Дагестана отличается выраженным этническим и религиозным многообразием, неоднородностью, синкретичностью. До принятия ислама наряду с зороастризмом в регионе существовали последователи иудаизма, христианства. Отдельные исследователи полагают, что в I в.н.э. в Грузии существовали носители иудаизма, переселившиеся после освобождения их от вавилонского плена персидским царем Киром. Появление иудаизма на Северном Кавказе некоторые исследователи связывают с возникновением в VIII в. Хазарского Каганата. Этой позиции придерживается Л. Н. Гумилев, считавший, что это государство образовалось в ходе взаимодействия хазар, этнических тюрок, и иудеев-маздакитов, которые были изгнаны из Ирана в 529 г., но прибывшие на Северный Кавказ. Л.Н. Гумилев отмечает: «Уцелевшие маздакиты бежали на Кавказ, чтобы затеряться среди христианского населения Мидии-Атропатены (современный Азербайджан). Это им удалось, так как христиане относились к огнепоклонникам-персам крайне отрицательно, но и укрыли беглецов из Ирана»¹.

Иудеи-маздакиты заселили широкую равнину между реками Терек и Сулак, пасти скот, избегая конфликтов с соседями и не слишком строго соблюдая традиционные обряды, но при этом свято праздновали субботу и совершали обряд обрезания². В VI в. в Византийской империи еврей-ортодоксы подвергались гонениям, им было запрещено праздновать Пасху, есть в эти дни мацу, если она прихадилась на Старстную неделю,

---

¹ Гумилев А.Н. Древняя Русь и Великая степь. – Москва: Товарищество Клышников, Комаров и К, 1992. – С. 74-75.

² Там же. – С. 75.

то есть они лишались своих базовых религиозных традиций. Среди евреев-ортодоксов в Византии возрождаются иранофильские настроения. В военных столкновениях Византии и Ирана евреи занимали проиранскую позицию. Они жили в Персии 1200 лет, пользуясь покровительством законов и сочувственной поддержки иранских шахов¹. В 723 г. Лев III Исавр, который был императором Византии осуществлял политику насильственного крещения евреев, находящихся в её пределах. Более того евреи были изгнаны из Константинополя ещё при Харуна-ар-Рашиде. И они отправились в страну хазар-язычников, сменившие свою веру на иудаизм².

С завоеванием Ирана арабами, утверждением шариата, заменившим законы этого государства, смены власти иранских шахов, назначенными эмирами, евреи начали очередные поиски «земли обетованной». В 690 году, когда усилилась борьба между арабами и персами, с поражением персов евреи покидают Иран. Двигаясь от племени к племени, от государства к другому народу, они прибыли в страну Русию и землю Ашкеназ и Швецию и нашли там много евреев³. К обетованной земле евреи двигались из Ирана не через Северный Кавказ, а через Малую Азию и Черное море к устью Днепра и в Русию, а оттуда в Европу, где уже были колонии западной ветви евреев, оставшихся после распада Римской империи⁴.

Возникновение Хазарии для Л.Н. Гумилева, – это стечение целого ряда обстоятельств, описанных выше, результат встречи двух субэтносов: тюркоязычных хазар, обитавших в камышах низовьев Волги,

---

¹ Гумилев А.Н. Древняя Русь и Великая степь. – Москва: Товарищество Клышников, Комаров и К, 1992. – С. 77.

² Там же.

³ Там же. – С. 74–75.

⁴ Там же.

перешедших на Северный Кавказ и маздакитов, изгнанных из Ирана, переселившихся на территорию между Тереком и Сулаком.

По мнению И. М. Дьяконова, причины принятия иудаизма хазарами заключаются в том, что «христианство подчинило бы хазаров Византии, ислам – халифу. Поэтому ими был выбран иудаизм, причем в его окраинной, неталмудистской форме. Хазары не могли импортировать к себе в нужном, большом количестве ученых раввинов-талмудистов¹. Сказанное позволяет признать, что среди хазар-иудеев не были знатоки еврейских священных текстов, а потому иудаизм в его ортодоксальной форме не был среди них распространен. М. И. Артамонов считает, что «иудейская религия не вытеснила ни старого язычества, ни христианства, ни мусульманства»². Отмеченная веротерпимость хазар, объясняется тем, что созданное им государство являло собой мазоичную картину, населявших народов, имеющих разные вероисповедания от язычества, христианства, до ислама, а также они обладали разными социально-экономическими укладами жизни. С точки зрения Н. Я. Марра, «при завоевании Дагестана в первой половине VIII века арабы уже застали там евереев в значительном числе»³.

Арабские, персидские путешественники, в частности, Масуди (944 г.), ибн Хаукала (969 г.), описывая Дагестан, называет такие его области как Кайтаг, Самандар (Тарки), Серир. Отмечется, что жители Самандара в большей части состояли из хазар, мусульман, евреев, а жители деревни Кубачи являлись мусульманами, христианами и евреями, жители же нагорного Кумука были христиане. Царь Серира, которого именовали

---

¹ Дьяконов И. М. Огненный дьявол // Гумилев Лев. Теория этногенеза: Великое открытие или мистификация: сборник статей. – М.: АСТ, 2013 – С. 443.

² Артамонов М.И. История хазар. – М., 2002. – С. 276.

³ Марр Н. Я. Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа. – Петроград, 1920. – С. 30.

Филан-шах также был христианином¹. Эти сведения имеются в работе А. К. Бакиханова, но они заимствованы у арабского путешественника Масуди, подчеркивающего, что царь Серира – христианин².

В этих рукописях описывается густонаселенная, плодородная, этнически пестрая страна Алания, расположившаяся на расстоянии трех дней от Кумука. Плотность населения этой страны была выше, чем в соседнем Дагестане. Как пишет историк, в этой стране крик петухов в одном селе был слышан в другом. Царь этой страны назывался *Керкерендач*, имевший армию, состоявшую из тридцати тысяч человек. Вероисповедание в этой стране было языческим, но в X веке сюда из Византии пребывают христианские священники, осуществлявшие христианизацию алан. На это обращает внимание В. А. Кузнецов, отмечавший, что «в Алании безраздельно господствовало» язычество, после чего и в связи с христианизацией складывается своеобразный христианско-языческий идеологический комплекс, где элементы христианства и язычества сосуществуют, взаимодействуют и взаимопроникают»³. Несмотря на утверждение В. А. Кузнецова о существовании в Алании крепкой церковной организации, а также крещении её правителя и феодальной верхушки в первой четверти X века отреклись от христианства и прогнали епископов и священников, присланных к ним византийским императором Романом Лакапином⁴.

Описанное изменение религиозно-политической ситуации в Алании было связано с тем, что аланы потерпели поражение в войнах против хазар. А победители потребовали удаления с Северного Кавказа византийских священников, распространявших христианство среди

---

¹ Цит.: Бакиханов А. К. Гюлистан-и Ирам. – Баку: Элм, 1991. – С. 12-143.

² Там же.

³ Кузнецов В. А. Очерки истории алани – Орджоникидзе, 1984. – С. 316-317.

⁴ Там же. – С. 316-317.

этнически разнородных, поликонфессиональных алан. Христианские священники прекратили свою миссионерскую деятельность в Алании и вернулись обратно в Византию, а население же этой страны возвращается в лоно своих прежних языческих верований. Можно отметить, что и сегодня среди осетин, кабардинцев, черкесов наблюдаются признаки наличия языческих элементов.

Ныне иудаизм в Дагестане исповедуют горские евреи, проживая среди горцев, а также среди равнинных народов, они восприняли местные культурные традиции, в их быт проникали много обрядов, обычаев, праздников, которых придерживались, контактируемые с ними народы. Евреи, жившие в Дагестане и Чечне, прекрасно освоили горский танец-лезгинку, который они исполняли на своих свадьбах и эта традиция ими сохраняется, даже переселившись в Израиль.

Проникая на Кавказ, ислам приобрел свои особенности. Так, в Дагестан он приник в период арабских завоевательных походов, и по мнению А.Р. Шихсаидова, среди народов он утвердился не сразу, а постепенно. «Примерно девять веков потребовалось на то, чтобы местные религиозные представления заменить монотеистической религией - исламом»¹, - пишет этот автор. Этот процесс был длительным, конфликтным, ибо ислам сталкивался с сопротивлением языческих представлений местных этносов, а также наличием христианства у части населения Дагестана.

Свои проблемы имел ислама в ходе распротсранения среди чеченцев, среди которых были сильны языческие верования, христианство, особенно среди чеченцев, близким к грузинам. Утверждение ислама среди чеченцев также растянулась на многие века,

---

¹ Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). – Махачкала, 1969. – С. 216.

дольше, чем среди народов Дагестана. Так, у ингушей время окончательного принятия ислама исследователи фиксируют XIX веком.

Распространение ислама на Северо-Западном Кавказе имеет другие свои региональные, этнокультурные особенности, связанные с влиянием Крымского ханства, Турции, которые оказывали духовное воздействие на балкарцев, карачаевцев. Исследователи обращают внимание на то, что в формировании этногенеза этих народов участвовали местные кавказские племена, пришлые аланы, болгары и половцы¹. Высказывается точка зрения о том, что ислам проник в среду этих народов во времена Арабского халифата и Золотой орды².

Археологи обнаружили памятники материальной культуры, свидетельствующие о распространении ислама на территории Карачая, датируемые IX-XII веками. Скорее всего на этой территории проживали аланы, среди которых стал проникать ислам. В Нижне-Архызском городище обнаружены арабские куфические тексты на местных надгробных камнях и они считаются самыми ранними мусульманскими надписями на всем Северо-Западном Кавказе, относящимися к XI веку. Тем самым можно высказать точку зрения, что исламизация карачаево-балкарцев в лице их непосредственных предков началась еще в эпоху Алании: «Духовная жизнь карачаевцев в XVII в. представляла собой сложный симбиоз остатков христианских представлений, унаследованных со времен православной Алании (в горах Карачая и сейчас стоят величественные храмы – памятники аланского христианского зодчества IX–XII вв.), и развитой системы языческого культа»³.

---

¹ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Выпуск 1. – М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – С. 42.

² Там же.

³ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Выпуск 1. – М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – С. 43.

Другие мусульманские эпитафические памятники - Карт-Джуртская (1695) и Холамская (1719) стелы¹, также свидетельствуют о распространении ислама на территории Карачая. Но признание ислама на официальном уровне не привело к его господствующему поожению в духовной сфере общества. Исламизацию в Карачае затронула знать, когда остальная часть населения исламизировалась в течение всего XVII – XVIII вв.

Высказывается позиция о том, что ислам в Карачае окончательно утвердился в начале XIX в. В это время повсеместно строились мечети, открывались приходские школы (мактаб), значительно увеличилось число служителей культа (апенди, эфенди) из местного населения. Расцвет ислама в Карачае приходится на конец XIX - начале XX вв. В этот период были построены свыше 100 мечетей, представляющие замечательные памятники архитектуры, построенные по всем канонам классического исламского зодчества – к ним относятся Джегутинская, Верхне-Учкуланская и другие мечети. При соборных мечетях появлялись повышенные учебные заведения (мадраса), в которых получали образование, находясь на полном пансионе, учащиеся не только из Карачая, но и со всего Северного Кавказа. К этому периоду число карачаевцев, совершивших хадж до революции достигло 300 человек.

Народы региона при наличии пестрого многообразия находились в тесном взаимодействии, сохраняя при этом свои различия, особенности, но сотрудничая на базе общих ценностей, укрепляющих их единство. И оно не нарушалось даже при возникновении социально-политического кризиса, связанного с разрушением общих идейно-идеологических ориентиров - идеи и практики атеизма, социалистической советской

---

¹ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Выпуск 1. – М.: Изд. Фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – С. 34.

идеологии, построения коммунистического будущего. Эти коммунистические ценности в определенной мере цементировали единство всех народов СССР.

С развалом СССР на бывшей ее территории начали доминировать иные политические, культурные и духовные ценности, противоречащие исторически сложившимся. Языковые, культурные различия, которыми богат Северный Кавказ дополнились возрождением различных этнонациональных, религиозных проявлений, имеющие как местный сепаратистско-ориентированный, так и общерегиональный, радикалистско-глобальный характер.

Накануне и после распада СССР в бывшей Чечено-Ингушетии, а несколько позже и в самостийной Чечне, начался процесс отделения от России, что сопровождалось усилением националистических, сепаратистских идей, распространяемые сторонниками так называемой Вайнахской демократической партии (ВДП), созданной З. Яндарбиевым, чеченским поэтом и писателем. Еще в период существования советской власти ВДП ставила задачу – ослабить влияние коммунистической идеологии, дестабилизировав политическую ситуацию в ЧИАССР, и добившись захвата власти. Она действовала по аналогии прибалтийских сепаратистов, которые являлись для них советниками. Она издавала антикоммунистические газеты, подвергавшие жестокой критике деятельность местных партийных функционеров, их политику, принижающую этнонациональные духовные и культурные ценности.

Свои аналитические материалы ВДП публиковала в независимых газетах «Барт», «Справедливость», которые становились популярными среди людей, быстро расходились, число читателей росло их становилось больше, чем у официальных газет, которые не давали широкую информацию, о происходящих в стране и республике политических,

культурных и духовных процессах. Независимая пресса не обходила религиозную и культурную ситуацию в республиках Северного Кавказа. Порою она освещала идеи и практику нетрадиционных для региона исламских течений.

Альтернативная пресса предоставляла информацию о различных религиозно-политических процессах, происходивших в Средней Азии, Казахстане, Астрахане, Дагестане. Через нее читатели узнали о том, что в 1990 году в г. Астрахань состоялся съезд мусульман с участием делегатов из Таджикистана, Узбекистана, Москвы, Ленинграда, Татарстана, ДАССР, ЧИАССР, Карачаево-Черкессии и др., на котором была организована «Исламская партия возрождения», были избраны его руководящие органы. Представители этой партии, получившие в народе названия ваххабитов, постепенно активизировали свою религиозно-политическую деятельность на Северном Кавказе.

Ваххабиты выдвигали идею обновления народного ислама, очищения его от заблуждений, которые внесли на местах местные священнослужители. Считая народный ислам заблуждением, ваххабиты призывали мусульман вернуться к исламу времен Пророка Мухаммада и четырех праведных халифов. Это религиозный фундаментализм приобретал характер революционной идеологии. Идеиные постулаты салафитов-ваххабитов, этих мусульманских «мондиалистов», резко отличаются от устава классической исламской концепции, породившие такие её варианты, как исламский социализм, панарабизм, пантуркизм, шиитский исламский фундаментализм и т.д. Концепция исламистов основана на постулатах салафитской доктрины, ориентирующей своих сторонников на создание интегрированной империи (отсюда происходит название – интегрлисты) в виде исламского халифата. Исламское государство (ДАИШ) является его региональным примером.

Исламский интегрзм на Кавказе распространяется со второй половины 80-х годов XX века, когда граждане и общественные организации включились в демократические процессы, осуществляя соответствующие деяния. В мусульманских регионах бывшего СССР стали восстанавливаться старые мечети и медресе, строиться новые, а для проповедей приглашались преподаватели, получавшие теологическое образование в зарубежом, в основном в Египте и Саудовской Аравии (суннитские исламские центры).

Вскоре сторонников возрожденного и обновленного ортодоксального ислама в Центральной Азии (Узбекистан, Таджикистан) и на Кавказе именуют «ваххабитами». Как известно, вахабизм в Саудовской Аравии и основан на учении, жившего во второй половине XVIII века Мухаммада ибн Абда аль-Ваххаба.

После распада СССР первая попытка создания исламского халифата на Кавказе, в частности на Северном Кавказе, на чечено-дагестанской территории, предпринимается в 1998-1999 годах. В это время в Чечне, как утверждает В. Майсая, особенно в ее южной части образовалось местное «талибанское движение», после этого последовало распространение «чеченского талибана» в западном направлении. Вслед за этим, как пишет этот автор, имело место доктрина Хасана ат-Тураби, согласно которой исламисты-интегрсты воспринимали Кавказский регион, не только северный, но и южный ареал, как часть т.н. «зеленого интернационала». Эти положения не спорны, ибо в Чечне и на Кавказе не было структур, соответствующих афганскому движению «Талибан». Огромное значение сторонники исламского «мондиализма» придают Кавказскому региону, который постепенно превратился в некий полигон испытания их «оружия»¹.

---

¹ Майсая Вахтанг. Кавказ в перекрестье замыслов и смыслов // <http://new.evrazia.org/article/944>

Но реально существовали так называемые ваххабиты, салафиты, выступающие против местного ислама, требующего его радикальной реформы, стремившиеся поменять социально-политическое устройства на Северном Кавказе. До недавнего времени Кавказ являлся целью экспансионистских усилий «Исламского государства». Ситуация несколько меняется в связи с тем, что при поддержке ВКС России армия Сирии предпринимают успешные военные действия, вытесняя со своей терроритории экстремистско-террористические группировки, прикрывавшиеся исламскими лозунгами, совершая преступления против мирных людей, иностранцев, которые не признавали и осуждали их идеологию и практику.

Выводы:

Сегодня мусульманские народы Северного Кавказа проживают в двух округах – Южном Федеральном и Северо-Кавказском. В основном – это абазины, аварцы, адыгейцы, балкарцы, ингуши, даргинцы, кумыки, лакцы лезгины, ногайцы, чеченцы, кабардинцы, карчаевцы, цархуры, часть осетин (дигорцы), черкесы и др. Всего в двух федеральных округах проживают более 5 млн мусульман, являющимися коренными жителями. Преобладающая часть их является суннитами, придерживающимися двух мазхабов (догматико-правовые школы в исламе): шафиитского и ханифитского.

Шафиитского мазхаба придерживается значительная часть дагестанских народов – аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, кумыки и др., а также чеченцы и ингуши. Тюркоязычные ногайцы – сунниты, они придерживаются ханифитского мазхаба, к нему относятся и адыго-абхазские мусульмане, что сопряжено в влиянием Турции, где этот мазхаб был всегда доминирующим. В ходе обсуждения внутренних

догматических вопросов между суннитами разных мазхабов возникали и ныне возникают разногласия, порождающие споры догматического характера. Тем не менее, мусульмане Северного Кавказа в целом отличаются единством, их сплачивала общность многих этнокультурных ценностей и общая религия. Ислам на Северном Кавказе адаптировался к местным этнокультурным особенностям, связанным с наличием языкового многообразия, древних верований, мифо-эпических, мировоззренческих ценностей, обычаев и традиций, исторически сформировавшихся.

Кроме того на Северном Кавказе существует многообразные, религиозные особенности, сформировавшихся в ходе этнических, культурных взаимодействий, аккультураций. С одной стороны, это привело к возникновению локальных духовно-культурных ареалов, имеющих свои внутренние особенности, а с другой стороны, формировало общее материальное и духовное пространства – кавказскую цивилизацию.

Специфика кавказской цивилизации состоит в том, что в ней сочетаются как материальные, так и духовно-культурные ценности, возникшие при наличии антропологических свойств, характерных многим народам Кавказа, общих форм деятельности, религиозно-духовных ценностей, сложившихся на основе длительного сосуществования христианства и ислама, вырабатывавшие понимание необходимости существования кавказского единства.

Ныне на основе исламских ценностей происходит объединение многих народов Северного Кавказа, этот момент является важным фактором их идентификации, хотя в то же самое время все они считают себя и кавказцами. При этом важно отметить и то, что мусульмане Дагестана, Чечни и Ингушетии имеют определенную религиозную особенность, связанную с местными суфийскими ценностями. Эта форма

народного ислама, сформировалась в ходе взаимодействия этнокультурных, местных религиозных верований, формируя синкретическую картину мирозрения. В конце XX столетия в регион стали приходить исламские течения, сопряженные с салафизмом, ваххабизмом, их последователи ставили задачу очищения местного ислама от различных этнокультурных наслоений. Это обстоятельство детерминировало конфликтные ситуации между традиционалистами и нетрадиционалистами.

Нетрадиционные для региона исламские течения, проявляли экстремистский характер, нацеливали своих сторонников на радикальные религиозно-политические изменения среди мусульман региона, ставили цель создания Кавказского халифата, вытеснение России и русских с региона. Подобная политика ими обосновывалась различного рода исламистскими концепциями, которые разрабатывались различными исламскими организациями, возникавшими на Ближнем Востоке.

Местные и центральные органы власти России в целях сохранения духовной и религиозно-политической стабильности на Северном Кавказе осуществляли целенаправленную деятельность в противодействии радикалистским, экстремистским и террористическим проявлениям, происходящим под исламистскими лозунгами.

ГЛАВА 2

ИСЛАМСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТРАДИЦИОННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ

2.1 Особенности исламского возрождения в традиционных северокавказских обществах

Современное исламское возрождение – явление, имеющее широкое распространение в различных странах мира, в том числе и в России, где более 15 млн человек исповедуют ислам. Суть его заключается в том, что наиболее просвещенная часть мусульман, протестуя против современных реалий, когда в мусульманских странах правители и сами верующие стали отходить от норм Корана и Сунны, начали призывать мусульман к возврату к золотому веку времен Пророка Мухаммада и первых халифов. Этот период представители мусульманского духовенства рассматривают как общества, в котором царила справедливость, всеобщее благополучие, высокий уровень духовности.

Некоторые исследователи культуры ислама считают, что золотой век ислама, где был достигнут высокий уровень исламского возрождения – это исторический период, который, начиная с середины VIII века длился до середины XIII века. В этот период образованное арабами-мусульманами государство – Арабский халифат являлся самым крупным государством своей эпохи. Достижения в области науки, поэзии, архитектуры, медицине, судоходстве в халифате были колоссальными, на этой основе сложилось общемусульманское культурное пространство, формировавшее творчество многих ученых, причем разных национальностей, вовлеченных в орбиту распространения ислама.

Благодаря этому, исламские учёные, писатели и деятели искусства указанного периода внесли значительный вклад в развитие мировой науки и культуры.

В отмеченный период исламского ренессанса значительное развитие получили математика, медицина, философия, география, физика, химия и другие науки. Культурное развитие народов, исповедующих ислам, стало возможно благодаря достижениям учёных разных стран, исповедующих разные религии. Расцвет исламской культуры был связан с использованием знаний египтян, индусов, греков, римлян, китайцев. И в тоже самое время исламский ренессанс подготовил почву для эпохи Возрождения и в этом его преемственная роль.

Современное же возрождение ислама в мусульманском мире имеет иную направленность, его вектор составляет выраженный политический характер. Современные, силы подталкивающие исламское возрождение, нацеливают мусульман не столько на освоение мирового научного и технологического опыта, сколько на политическую борьбу с мусульманскими правителями, отошедшими от социальных идей ислама, попав под влияние Запада, а также на борьбу с крестоносцами и иудеями, что активно демонстрировалось в террористической деятельности Усамы бен Ладена. Последствия такой формы возрождения опасны прежде всего для самих мусульман, которые лишаются ориентира на цивилизационное развитие.

Подобные радикально-экстремистские формы духовного, социального развития навязывались и мусульманским народам России, в постсоветский период. Они составляли негативный компонент исламского возрождения, а следование им приводило к конфликтам, военным действиям. Все это просматривается на постсоветском развитии мусульманских народов Северного Кавказа. Исламское возрождение в

этом регионе активизировалось в конце 80-х годов прошлого века и сопряжено оно с горбачевской перестройкой в СССР. Именно в это время повсеместно открывались мусульманские школы, издавались газеты, журналы, книги, строились мечети, печатался в массовых тиражах священный для мусульман Коран. По сей день этот процесс продолжается, составляя важнейшую сторону духовно-культурного бытия мусульман региона.

Исламское возрождение корректировало традиционные этнические ценности народов Северного Кавказа, которые в течение многих веков были во взаимодействии, с утвердившимся в регионе особенностями народного ислама. Особенности ислама в Дагестане, Чечне и Ингушетии заключаются в том, что он существует в форме суфизма, которые в ходе историко-культурного развития адаптировался к местным этнокультурным традициям, порою приобретшим сакральный характер. Ислам среди осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, адыгейцев также адаптировался к местным этнокультурным ценностям, но при этом его бытование было менее регористским, чем на северо-восточной части региона. На северо-западном Кавказе этническая культура была менее сакрализована, чем на востоке региона, ибо она была более укоренена в народную жизнь и носила самостоятельный, независимый от ислама характер.

Религиозные верования осетин, кабардинцев, адыгейцев, как в прошлом, так и сегодня носят синкретический характер. И это продолжается несколько веков. Как отмечает Н. М. Емельянова: «... и в начале XX века, да и через сто лет – в начале века XXI, среди населения преобладал религиозный синкретизм»¹. Далее этот же автор подчеркивает, что христианские и мусульманские проповедники не

---

¹ Емельянова Н. М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. – М.: РИК, 2003. – С. 70.

сумели существенно повлиять на традиционные религиозные представления осетин, веками складывавшиеся народные традиции и духовную культуру¹.

Аналогичная религиозная ситуация, в которой преобладают древние языческие верования также наблюдается в духовной культуре кабардинцев. В различных населенных пунктах, горных местах Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии встречаются деревья, увешанные кусками разноцветных тканей как символы поклонения местным жителям священной природе. Отмеченная ситуация позволяет признать синкретичный характер религиозного сознания кабардинцев. Поскольку в нем наличествует поклонение «троице»: великому богу Тха, богу души Псатхэ, богу неба Уашхо. Бог Тха в преданиях кабардинцев связывается с Эльбрусом (Уэщхэ-махуэ – гора счастья). С принятием кабардинцами ислама эту гору рассматривали в качестве местобитания Джина-падишаха, царя духов и властителя птиц, наделенного чудесным даром предсказывать будущее. Многие кабардинцы перед началом нового года посещают Эльбрус с целью поклонения Джин-падишаха².

Древние народные верования кабардинцев до сих пор живучи, что проявляется в бытовании обряда-вызывание дождя («Ханцегуашэ» - кабард.), совершаемый во время засухи. Лопату, наряженную в женское платье, проносят по селу, проходя каждый доме, где ее обливают водой или одаривают подарком тех, кто её несет. По этому поводу народная поговорка утверждает: «Лучше уважать всех богов, чем возносить молитвы одному, а других не помнить. Ведь остальным будет обидно»³.

---

¹ Емельянова Н. М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. – М.: РИК, 2003. – С. 34.

² Филатов Сергей. Народы Кабардино-Балкарии в поисках религиозной идентичности // http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition65/03%20Filatov%20about%20Kabarda.htm.

³ Там же. – С. 34.

Здесь очевидно проявление синкретичного сознания, а также соответствующей духовно-культурной практики кабардинцев.

В культуре кабардинцев с исламом конкурирует этический кодекс «Адыгэ хабзэ», определяющий основные национальные особенности кабардинцев, а в целом и всех адыгов. «Адыгэ хабзэ» как этический кодекс адыгских народов, представляет собой свод правил, регулирующих семейно-бытовые, хозяйственные отношения, а также поведение воинов. Соблюдение кодекса чести и нравственных правил кабардинцы скрепляли клятвой, которую они приносили языческому богу Тха. Взаимосвязанными основными компонентами этого кодекса-адыгства являются человечность (*цIыхугъэ*), почтительность (*нэмыс*), разум (*акъыл*), мужество (*лIыгъэ*), честь (*напэ*). Эти базовые принципы адыгства и их роль в народной культуре детально раскрыты в исследованиях Б. Х. Бгажнокова¹.

Процитированный автор считает, что «адыгство – гибкая, динамичная моральная система, способная функционировать с осязаемой пользой и отдачей во всех сферах человеческой деятельности» и она способна конструировать новый институциональный порядок, могущий обеспечить и «духовное единение различных групп адыгского этического социума в раздвинутых пространственно-временных границах и промежутках»².

Приверженность к глубоким этническим традициям сохранило, существующее среди кабардинцев оппозицию исламу с его нормами шариата, расходящимся с местными этнокультурными ценностями, ограничивающими свободолобие и дух рыцарства. Сегодня духовная ситуация среди кабардинцев, адыгейцев, черкесов, как адыгских этносов

¹ Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. – Нальчик: Изд. Центр «ЭЛЬ-ФА», 1999. – С. 16–19.

² Там же. – С. 34.

всё ещё остается явно синкретичной, но при доминировании кодекса «Адыгэ хабзэ», то есть роль данного кодекса более значительная в сравнении с исламскими ценностями, которых придерживаются кабардинцы-мусульмане. Но среди небольшой части кабардинцев распространено православное вероисповедание, которое укрепилося среди них ещё во времена Ивана Грозного, когда он был женат на кабардинке Марии Темрюковне, кабардинской княжне.

В КБР существуют села, где мирно сосуществуют кабардинцы, исповедующие как ислам, так и православие. После октябрьской революции в России были объединены православные и мусульманские кабардинские хутора, где мечеть и церковь оказываются рядом. Сегодня православие среди кабардинцев исповедуют не больше пяти тысяч человек. В основном они проживают в Моздоке (Северная Осетия-Алания) и Курском районе Ставропольского края, где проживают кабардинцы-мусульмане. Между ними имеется достаточно много общего. Так, в христианских семьях снохи, как и в мусульманских, придерживаются известного на Кавказе обычая «избегания» по отношению к свёкру. Они не разговаривают, не садятся за один стол с ним, пока не получают из его рук подарка. Мужчины-кабардинцы, исповедующие православие покрывают голову во время различных торжеств, ритуалов, но снимают левой рукой головной убор при посещении храма. У православных кабардинцев меньше, чем у соседей-мусульман слов, формул и выражений исламского происхождения.

Ныне между исламом и православием, преодолевая былое взаимное неприятие, устанавливается взаимопонимание в вопросах о сосуществовании и сотрудничестве. Можно говорить об успешном диалоге между ними, отсутствии политических, социальных противоречий. На это обращал внимание Полномочный представитель

Президента в СКФО О. Белавенцев, посетив КЧР, он отметил, что в некоторых населенных пунктах, например, поселке Кавказском недалеко друг от друга одновременно построены православный храм Святого Великомученика Георгия Победоносцева и мечеть, символизирующие единство и согласие мусульман и христиан КЧР¹.

В связи с 460-летием присоединения Кабарды к России 5 сентября 2017 года в Москве в Знаменской церкви Новоспасского монастыря состоялась торжественная церемония открытия памятной доски княжескому роду Черкасских. Патриарх Кирилл освятил эту доску в Знаменской церкви и произнёс следующую речь, в которой утверждал что сегодня народы КБР по милости Божье, несмотря на проблемы и опасности, особенно со стороны международного терроризма сохраняют покой на южных границах нашего Отечества. Им было отмечено, «что большинство кабардинцев и балкарцев – мусульмане, а русские – православные, мы разделяем общую систему ценностей, нравственных принципов и понятий, и это сближает наши народы, как ничто другое»².

Происходящие сегодня религиозные изменения – следствие возрожденческих духовных процессов, как исламских, так и православных, что способствует углублению и расширению духовности народов юга России. В 90-е начале 2000-х годов мирное соседство православия и ислама на Северном Кавказе оказалось под угрозой не из-за межконфессиональных разногласий, но из-за деятельности экстремистов, прикрывающихся исламскими лозунгами, имевшие мало общего с сутью ислама, выражающейся с нравственно-гуманистическими, мирозидательными ценностями.

---

¹ МК-Кавказ. – 2017. – 2-9 августа.

² Панкова Елена. Как кабардинские князья стали царю служить // Аргументы и факты. – 2017. – 13-19 сентября.

Пространство функционирования ислама – эта зона, в которой он находится в контакте с такими монотеистическими религиями, как христианство, иудаизм. Но основная часть населения региона исповедует христианство: православие (славяне и большая часть осетин), монофизиты (армяне), имеются и небольшие группы старообрядцев, встречаются католики и протестанты.

Церковь на Кавказе испытывает те же трудности, характерные ей по стране, что связано с отсутствием финансовых средств для восстановления и строительства храмов, сохраняются конфликтные ситуации, сопряженные трудностями возвращения церковных сооружений. Русская православная церковь на Северном Кавказе состоит из четырех епархий: Ростовская (приходы Ростовской области), Краснодарская (приходы Правобережья Краснодарского края), Майкопская (приходы Республики Адыгеи и Левобережья Краснодарского края) и Ставропольская (приходы Ставрополя и республик Северного Кавказа, исключая Адыгею). Они объединяют примерно 700 приходов, которые находятся в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях. В 90-е годы была восстановлена система регионального православного духовного образования. Свою деятельность начали Ставропольская духовная семинария, Ростовское епархиальное духовное училище, Армавирский православный институт. Тем не менее, эти приходы православной церкви испытывают значительный недостаток в квалифицированно подготовленных священниках. В целом православное образование развивается в школах, лицеях, гимназиях, в которых значительное внимание уделяется концепции «русских национальных школ». 22 марта 2011 года на заседании Священного Синода ситуация с указанными епархиями подверглись изменению. В ходе рассмотрения положения

церковных дел на Северном Кавказе созданы новые епархии: Пятигорская и Черкесская (включающая приходы Минераловодского, Предгорного и Кировского районов Ставропольского края, республик Кабардино-Балгарии и Карачаево-Черкесии); Владикавказская и Махачкалинская, которая включила приходы республик Северной Осетии – Алании, Ингушетии, Чечни и Дагестана.

По мнению В. В. Черноуса: «Русская Православная Церковь и Духовное управление мусульман Северного Кавказа являются фактором, стабилизирующим этноконфессиональные процессы, они выступают совместно против экстремизма, пропаганды тоталитарных сект, равно как и новых для региона конфессий. Дело в том, что в условиях конфликтогенного региона появление нетрадиционных конфессий и сект зарубежного миссионерства объективно является дестабилизирующим фактором, независимо от декларируемых ими целей. Для предотвращения же зарождения в массовом сознании агрессивности на религиозной почве необходимо недопущение формирования и закрепления в СМИ стереотипов негативного восприятия основных религий и их базовых ценностей»¹.

По мнению архиепископа Пятигорского и Черкесского Феофилакта Северный Кавказ – один из сакральных центров России не только для христиан, но и для нехристиан. Так, в Дербенте функционирует одна из древнейших мечетей мира, которая была построена в VIII веке. Он считает, что Кавказ является древней христианской землей «крещённая задолго до Руси. Это благословенная земля, где Бог дал нам всё необходимое для жизни с избытком... Кавказский дом строился

---

¹ Черноус Виктор. Северный Кавказ: угроза балансу приходит не изнутри // <http://new.evrazia.org/print.php?id=1379>

тысячелетиями, и всегда в нём жили разные этносы, исповедовали разные веры, что не мешало никому»¹.

Ислам, объединяя большинство коренных народов Северного Кавказа является второй по численностью религией региона. Здесь представлены такие направления ислама как суннизм и шиизм. Сторонников суннизма преобладающее большинство и они придерживаются шафиитского и ханафитского мазхабов. Важной особенностью ислама в регионе является то, здесь он представлен в форме суфизма, которые с конца XVIII века существует через тарикаты накшбандийа и кадирийа. В 90-е годы ислам в республиках Северного Кавказа начала активно возрождаться, что проявилось в зарегистрировании множества мусульманских общин в Адыгее, Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, в Чечне. Возникали они и в Краснодарском, Ставропольском краях, Ростовской области. А в 1998 году был организован координационный центр мусульман Северного Кавказа, включивший в себя духовные управления мусульман (ДУМ) Республики Дагестан, Чеченской Республики, Ингушетии, Северной Осетии-Алании, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, Адыгеи и Краснодарского края, его представительство имеется и в Ростовской области. Важнейшей задачей, которая решала эта организация было осуществление противодействия проявлениям экстремистской деятельности ваххабитов.

Процесс возрождения ислама в регионе в значительной степени был сопряжен с увеличением числа мечетей, подготовкой мусульманских священнослужителей, созданием исламских учебных заведений, что

---

¹ Иванов Евгений. Христианство на Северном Кавказе: путь через тысячелетия. 3 октября 2020 // <https://zen.yandex.ru/media/id/5c88b7e046a32a00b3fb4ed8/hristianstvo-na-severnom-kavkaze-put-cherez-tysiachiletia-5f782a6e61e6d41ef585a2e1>.

особенно проявлялось в Дагестане. Реконструкция мечетей, а также новое их строительство происходило при поддержке зарубежных северокавказских диаспор или арабских и турецких фондов. Мусульманская молодежь в целях получения исламского образования все чаще отправлялась на обучение в исламские образовательные учреждения в Саудовскую Аравию, Египет, Сирию, Иорданию, Турцию, Малазию. Ныне в России успешно развивается система исламского образования, учитывающая местные традиции, используя современные педагогические технологии. Так, в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии действуют более десяти мусульманских высших учебных заведений. Для работы в них привлекаются как преподаватели из стран Ближнего Востока, так и местные арабисты, теологи.

Сегодня все народы Северного Кавказа активно возрождают и развивают исламские традиции, немало делают основательному изучению ислама и исламской культуры. Процесс реисламизации присущ всем мусульманским народам Северного Кавказа, но при этом важно отметить и прочное сохранение этнической идентичности.

Вместе с тем, представляется необходимым осуществления правовых, этнокультурных мер, направленных в целях предупреждения религиозного экстремизма в молодежной среде на Северном Кавказе. Очень важно, чтобы ограничение влияния экстремистских групп через СМИ и другие формы коммуникаций.

Важно отметить и такую тенденцию - ныне органы власти региона активной опираются на традиционный для Северного Кавказа ислам, поддерживает официальное духовенство в его созидательной деятельности, духовном воспитании молодежи, что благотворно отражается на религиозно-политическую, духовную ситуацию в регионе.

Представители основных конфессий региона, коими являются православие и ислам, находятся в толерантных отношениях, они не вмешиваются в дела друг друга, не занимаются прозелитизмом. Но при этом заметна бытовая напряженность между ними, когда строятся мечети в «христианских» зонах или – православные храмы в «исламских зонах». Кроме того, с распространением экстремистских идей «северокавказского ваххабизма» в Дагестане, Чечне, Карачае, Балкарии, а также среди ногайцев у населения русских районов возникали исламофобские настроения.

Органы власти, общественные организации, официальное мусульманское духовенство немало сделали, чтобы противодействовать распространению экстремизма среди молодежи региона. Несмотря на все усилия правоохранительных органов, институтов гражданского общества и официального духовенства ваххабитская угроза все еще сохраняется. Часто представители молодежи, а также маргинальных слоев населения попадают под влияние исламистских течений. Хотя в регионе предприняты основательные меры противодействия религиозным экстремистам, их влияние ощущается в этноконфессиональных взаимоотношениях. Ваххабитские группировки не исчезли, они действуют латентно, оказывают дестабилизирующее влияние. С активизацией деятельности представителей международной террористической организации «Исламское государство», которое действовало на территории Сирии в 2013-2019 годах, религиозно – политическая напряженность на Северном Кавказе заметно возросла. В настоящее время это влияние уменьшилось, а местные исламисты в настоящее время не демонстрируют свою связь с этой террористической организацией.

А. М. Буттаева отмечала сложность ситуация, бытовавшая в регионе, поскольку она была перегружена комплексом как прошлых, так и нынешних ошибок и обид⁹⁵. И в этом контексте изучение проблемы возрождения ислама на Северном Кавказе приобретает свои особенности, связанные с местными этнокультурными факторами, а также влиянием внешних факторов, сопряженных с активизацией политических, идеологических процессов в мусульманском мире.

В связи с этим необходимо осуществление исследования салафизма на Северном Кавказе в контексте специфики социокультурных, цивилизационных проблем, миграционных потоков, наличия в яркой форме феномена гибридности общества в регионе¹. Именно проникновение в регион салафизма, часто именуемого и ваххабизмом, его взаимодействия к религиозными традициями региона, в частности с местными формами ислама, детерминировали противоречия, даже конфликтные ситуации, что в значительной мере определяли специфику исламского возрождения ислама на Северном Кавказе.

Этнополитическое и этнокультурные процессы на Северном Кавказе, имея прочные корни, не допускали доминирования чуждой для региона религиозно-политической культуры, привносимой ваххабизмом. Мусульмане региона, как носители народной культуры, синкретических традиционных верований, подвергая критике культуру ваххабизма, называли её «бедуинской», тем самым выражая свой протест против чуждых им религиозно – политических, экстремистских проявлений. Этот протест на Северном Кавказе был повсеместным, идеология, практика и культура ваххабизма, салафизма на Северном Кавказе воспринимали ограниченное количество верующих. От Дагестана до

---

¹ Буттаева А. М. Исламское возрождение на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. Монография. - Махачкала, 2011. – С. 94.

Республики Адыгея салафитско-ваххабитские идеи и практика не получали одобрение, наоборот, решительно отвергались местными этническими и религиозными сообществами. Хотя местами создавались ваххабитские анклав, существовавшие со своими «уставами», регулировавшие отношения внутри общин на основе шариата, что приводила к явным противоречиям, конфликтам со светскими законами и образом жизни, превалировавшим в регионах Северного Кавказа.

Начиная с 1991 года по 1997 год в Дагестане в количественном отношении резко увеличивается число ваххабитов. В 31 районе Дагестана действовали 2031 сторонников Б. Магомедова, в пяти районах – 1377 сторонников А.-К. Ахтаева, в десяти районах – 442 сторонника Аюба Астраханского. 2755 человек или 71, 6% от общего числа ваххабитов действовали в 11 районах Дагестана¹.

В 1997 году в Дагестане были созданы ваххабитские анклав в кадарской зоне, включающей в себя несколько населенных даргинцами сел, среди которых наиболее крупными были Карамахи, Чабанмахи, где мусульмане, воспринявшие ваххабизм, жили на основе шариата, игнорируя при этом светские законы. Жители этих сёл образовали «независимую исламскую республику», на дорогах, которые вели к ним были поставлены посты из местных ваххабитов и установлены шлагбаумы и щиты зеленого цвета с надписью: «Стой! Здесь действуют законы шариата!» В декабре 1997 года ваххабиты кадарской зоны совместно с единомышленниками из Чечни совершили вооруженное нападение на винскую часть, которая дислоцировалась в г. Бунакск, повредив восемь танков².

---

¹ Ханбабаев К. М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алим и ученые против ваххабизма. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2001. – С. 110.

² Там же. – С. 114.

Политика ваххабитов в этой зоне Дагестана была направлена на установление доминирования идеологии и практики этого нетрадиционного для региона крайнего религиозно-политического учения. Для этих целей, воспользовавшись слабостью власти, её коррумпированностью они резко ограничили влияние традиционного духовенства, оттеснили его на периферию духовной и общественной жизни. Ими были отменены федеральные и республиканские законы, расстреляны без суда и следствия глава администрации и начальник милиции в селе Карамахи. Всех односельчан, которые являлись противниками ваххабизма изгнали из домов, лишив крова и имущества. Эти исламисты свои возможности и истинные намерения продемонстрировали весной 1998 года. Под руководством Надира Хачилаева они приняли участие в захвате и разграблении здания Госсовета Республики Дагестан.

В Чечне активность ваххабитов возросла после захвата боевиками А. Масхадова г. Грозный 6 августа 1996 года. В Чечне на основе ликвидации светских судов, обвиненных в несправедливом судопроизводстве и взяточничестве, были созданы ваххабитско-шариатские суды, осуществлявшие судопроизводство далеко не лучшими методами. С 1996 года по 1999 год судебные разбирательства происходили на основе норм Уголовного кодекса шариат, утвержденного в Чечне указом и.о. президента Ичкерии З. Яндарбиевым. В октябре 1996 года он в Чечне вводит Уголовный кодекс –шариат, представлявший собой грубо списанную копию Уголовного кодекса государства Судан¹.

---

¹ Акаев В. Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс? / Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.– Махачкала, 1999. – С. 30.

На основе этого указа отменяется действие в Чечне светских судов и вводятся суды шариатские, укомплектованные исключительно ваххабитами¹. Деятельность шариатских судов имела специфический характер, на его основе осуществлялись публичные наказания людей, даже соответствующие казни. Их деятельность была ориентирована на целенаправленную шариатизацию чеченского общества, устранение светского образа жизни. Особое внимание шариатистами уделяли реализации исламского дресс-кода для мужчин и женщин. Мужчины стали носить длинные бороды и волосы, подвернутые мужские штаны. Они стали отказываться от европейской одежды, а некоторые женщины носили закрытые хиджабы. Но такое одеяние не являлось собственно элементом арабской культуры, скорее всего – это было предпочтение приверженцев ваххабизма, салафизма.

Распространяемая ваххабитами в регионе культура одежды, поведения, идейно-идеологические ценности составляли элементы проявления исламского возрождения. Но они ограничивали этнокультурные традиции народов Северного Кавказа, прежде всего, дагестанцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, наиболее приверженных к местным исламским традициям, веками сложившихся в регионе.

В Чечне были созданы условия для подавления исторически сложившихся духовных традиций. Специально сформированное ваххабитское духовенство при поддержке А. Масхадова, И. Халимова, З. Яндарбиева, М. Удугова и др. в религиозно-политической сфере Чечни заняло доминирующую роль, когда традиционное духовенство, связанное с культурой суфизма, народным исламом было оттеснено на обочину общественной и религиозной жизни. Во всех официальных

---

¹ Акаев В. Х., Вок Г. Б., Керимов М. М. Ислам в Чечне: традиции и современность. – Грозный, 2006. – С. 50.

процессах, связанных с религиозной жизнью Чечни ведущая роль в отмеченный период принадлежала ваххабитам, когда традиционалисты всё ещё оставались востребованными в религиозно-культурной жизни чеченского этноса.

Некоторые исследователи высказывают ошибочное мнение о том, что А. Масхадов, который 27 января 1997 года был избран президентом Чеченской Республики-Ичкерия, якобы «неизменно выступал против ваххабизма как исламской идеологии для своей республики»¹. На самом деле именно при поддержке А. Масхадова, духовным наставником, которого был Ислам Халимов, работавший врачом в районной больнице с.Ведено, позже в период «чеченской революции», превратившего в видного лидера ваххабитов в Чечне, позиция ваххабизма в Чечне значительно укрепилась. Но при этом надо отметить, что А. Масхадов после военного столкновения традиционалистов и ваххабитов Б. Кебедова, происшедшего 14 июля 1998 г. в г. Гудермес, высказывал мнение о том, что ваххабизм делает из чеченской молодежи роботов, отравляя её сознание².

Активным противником ваххабизма в Чечне был муфтий А. Х. Кадыров, представитель суфизма, последователь учения Кунта-Хаджи Кишиева. Он в своих выступлениях не раз указывал на то, что А. Масхадов поддерживает ваххабитов и при этом предлагал ему изгнать их из Чечни. Особую настойчивость А. Х. Кадыров проявлял во время военного конфликта, происшедшего между ваххабитами и сторонниками традиционного для Чечни ислама в Гудермесе.

Однако сложилась ситуация, когда на официальном уровне в Ичкерии религиозная политика реализовывалась через ваххабитов или

---

¹ Кисриев Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане. – М.: ОГИ, 2004. – С. 168.

² Акаев В. Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов на/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – С. 160.

их сторонников, а на уровне бытовой жизни, где нужно было решать вопросы брака, похорон, осуществления религиозных ритуалов, невозможно было обойтись без участия представителей традиционного ислама. Представители традиционных духовных ценностей были вместе со своим народом и являлись духовной, культурной и политической оппозиции к ваххабитам. Однако власть материальные и религиозно-политические возможности резко ограничивала. Противоречивые, конфликтные взаимоотношения между ваххабитами-исламистами и представителями традиционного для Северного Кавказа ислама основательно изложены в работах В. Х. Акаева, С. И. Аккиевой, И. П. Добаева, К. М. Ханбабаева, Э. Ф. Кисриева, Д. В. Макарова и др., непосредственно изучавшие эти процессы, начиная с 90-х годов.

В их работах выявляются особенности исламского возрождения, раскрываются причины появления и распространение нетрадиционных для региона исламских течений – салафизма и ваххабизма, их политическая активизация, совершаемые преступления, противоречия и жестокие конфликты с традиционалистами, несовместимость со светским образом жизни. Важное место в этих исследованиях отводится роли этнокультурных ценностей в неприятии исламизма.

Мирными способами на Северном Кавказе практически было невозможно преодолеть наступательный, экстремистский характер ваххабитов, настойчиво навязывавших верующим, обществу и государству свои социальные, духовные, культурные ценности, образ жизни, радикально расходящиеся с исторически сложившимися в регионе традициями. В 90-х начале 2000-х годов, в условиях социально-экономического, политического, духовного кризиса российского общества государство были бессильны противодействовать мощному наступлению религиозно-политического экстремизма, фанансово

поддерживаемого зарубежными исламскими центрами, часто связанными с Саудовской Аравией на этнокультурные традиции народов Северного Кавказа.

Для ограничения этого наступления, преодоления действий агрессивного ваххабизма силы противодействия, которыми оказывали представители традиционного ислама были крайне недостаточны. Только поддержка федеральных органов власти, а также активная мобилизация традиционалистов позволили ограничить, а в конечном итоге и преодолеть доминирующую экстремистскую роль исламистов на Северном Кавказе.

Выводы:

Возрожденческие процессы, которые происходили и продолжают происходить среди мусульман Северного Кавказа отличаются своими особенностями. Прежде всего важно отметить, что заметно активизировалась духовная, религиозно-политическая роль мусульман в обществе. Все больше, порывая с атеистическим прошлым они обращались к исламским ценностям, обрядовой практике, придерживались внешних атрибутов, осмысливали по мере своих способностей догматические положения, систематически посещали молитвы в мечетях, совершали хадж в Мекку. Заметно увеличилось число мусульман, изучающих Коран, Сунну, обучаясь в исламских медресе, институтах, университетах, расположенных в регионах и за его пределами, в том числе и зарубежом.

Эта категория мусульман проявляет выраженную заинтересованность в изучении ислама, освоении его базовых положений, преодолении греховных поступков. Сам процесс исламского возрождения на Северном Кавказе имеет сложный, противоречивый

характер, поскольку здесь он затрагивает традиционные этнокультурные ценности, исторически сложившиеся в регионе. Это приводит к столкновениям, конфликтам между традиционалистами и нетрадиционалистами. Исторические традиции народов Северного Кавказа в силу их укорененности, фундаментальности оказывают сопротивление искусственным процессам, например, шариатизации их образа жизни, поведения.

В целом региону характерно не столько тотальное подчинение исламу, а продолжение его адаптации к этническим, религиозным традициям, которые сохраняются у народов Северного Кавказа. Особое сопротивление оказывали местные этнические, культурные, духовные традиции процессу ваххабизации, который насильно внедрялся в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, среди ногайского населения. Ваххабитские ценности и традиции местного ислама оказались в состоянии выраженной несовместимости.

Исламское возрождение в форме салафизма и ваххабизма среди мусульман Северного Кавказа не получило развитие в силу его радикализма и экстремизма. Именно локальные, региональные этнические и духовные традиции народов юга России, их духовно-культурный и социальный потенциал выступили в качестве важнейшего фактора, блокирования и противодействия утверждению экстремистских проявлений ваххабизма, всего этого нетрадиционного для российских мусульман Северного Кавказа исламского течения. Вместе с тем, нужно отметить, и то, что жесткая борьба между ваххабизмом и местными религиозными традициями негативно отразилось на взаимоотношениях между молодежью и старшими поколениями региона. В определенной мере она подвергла коррозии традиционные этнические, духовно-культурные ценности, что придало им импульс к адаптации к

современным условиям внутренней мобилизации и выработке системы отстаивания своих этноконфессиональных позиций.

2.2 Этнокультурные традиции и исламизм: конфликт и пути преодоления

Этнокультурные традиции – это часть этнических, этнокультурных процессов, происходящих в жизни того или иного этноса, сопряженные с функционированием языка, обычаев, обрядов, а в целом всей культуры народов. Этнокультурные традиции в ходе общих этнополитических, этнокультурных процессов трансформируются, видоизменяются, что влечет за собой изменение этнического самосознания¹.

Внутренние этнические процессы, связанные с изменением экономического образа жизни членов этноса, урбанизацией, социальным расслоением, приводят к ослаблению этнической консолидации. В ходе внешних воздействий, культурных этнических контактов, религиозно-культурных заимствований (аккультурации) заметному изменению подвергаются архаичные социальные, духовно-культурные ценности, которых придерживается отдельный этнос.

Подобная общая ситуация, сопряженная с внутренними и внешними воздействиями, безусловно отражается на этническую культуру, традиции народов Северного Кавказа. Это приводит к противоречиям, конфликтам в ходе их этнокультурного, в том числе и духовного развития.

Сложный, противоречивый процесс возрождения ислама на Северном Кавказе, имеющий свои внутренние и внешние социокультурные основания, влияет на этническую культуру его народов, вызывая заметные трансформации при сохранении её основы. Глубокий интерес мусульман к сущности ислама, устремленность к познанию его культуры и цивилизации также способствовали

---

¹ Энциклопедия «Народы России». – М.: Изд-во «Большая российская энциклопедия», 1994. – С. 466.

исламскому возрождению. Оно связано и с проникновением в среду советских мусульман исламских течений, сект, ранее не бытовавших в СССР, но берущих свое начало на мусульманском Востоке. По своей идеологии и практике они были радикалистски и экстремистски ориентированы.

Эта ситуация расколола мусульман Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, которая по настоящее время не преодолена. В этническое сознание мусульманских народов региона включена дилемма, связанная с отделением друг от друга представителей одного этноса по религиозному принципу: «истинный мусульманин - неистинный мусульманин», «ваххабит – неваххабит» и т.д. Тем самым внутри гомогенного этноса со своей общей этнической идентичностью формируется исламская идентичность, разделяющая членов одного этноса на религиозные группы, придерживающихся традиционных исламских ценностей и на нетрадиционные для региона исламские ценности.

Активное духовное возрождение народов СССР началось в период гласности и перестройки, которые начал М. С. Горбачев. В это время происходит ослабление идеологического давления на людей. Благоприятно эта ситуация отразилась и на верующих всех конфессий. На Северном Кавказе началось активное возрождение ислама, стали возникать исламские партии и движения, издаваться религиозные газеты и литература, началось массовое строительство мечетей, учебных заведений, исламскоориентированная молодежь отправлялась на обучение в мусульманские страны. Идеологическое раскрепощение в СССР, а затем и в России, привели к активному проникновению нетрадиционных исламских течений. Развал СССР привел к кардинальным переменам в духовно-культурной сфере граждан, атеизм

как богоборческая тенденция уходит с политической, культурной сцены страны, либерально-демократические процессы преодолевают идеологию и практику социализма, сдерживавшие свободу слова, совести, свободное исполнение религиозных обрядов.

На заре советской власти в СССР отношение к исламу представляло собой заигрывание с мусульманами и это продолжалось до начала осуществления репрессий сталинского периода в конце 50-х – начале 60-х годов. Эта антирелигиозная политика привела к значительному сокращению числа мечетей, религиозных объединений и учреждений¹. Между тем, следует признать и то, что в советский период значительное развитие получили национальные культуры, развивались национальные языки, литературы, искусства. Среди различных этносов, исповедующих разные религии, сформировались выдающиеся поэты, писатели, ученые.

Важно отметить, что отношение репрессивных органов советской власти к мусульманам Северного Кавказа имело явно предвзятое отношение, если не сказать, враждебное. Об этом свидетельствует выступление Шмойлова, начальника Чечено-Ингушской АССР, которое состоялось на шестом пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС. Им было заявлено, что «комитет госбезопасности располагает данными об усилении реакционной деятельности возвращающихся в ЧИАССР мусульманских религиозных авторитетов, которая направлена в первую очередь на воссоздание ранее существовавших в каждом ауле разрушенных временем мечетей, постройку новых храмов, гробниц и т.п., на разжигание национальной вражды, отрыв молодежи от коммунистического влияния и участия в общественной жизни»².

---

¹ Абдулгани Абдулла. Мусульмане в условиях гласности, перестройки и нового мышления // На пути к свободе совести. – М.: Прогресс, 1989. – С. 403.

² Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – XX в.). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – С. 908.

Как видно, из процитированного текста крупного чиновника госбезопасности, деятельность верующих чеченцев и ингушей, религиозных авторитетов, связанная с восстановлением разрушенных репрессированными органами (а не временем) мечетей, мавзолеев святых, строительство изгородей вокруг могил предков была анатигосударственной, реакционной. Более того, репатрианты обвинялись в разжигании национальной вражды. Но при этом генерал Шмойлов в докладе не привел факты, искусственно чинимых препятствий, создаваемых против них органами власти, частью населения, занявшей их дома, во время отправки в ссылку. Но попытки чеченцев возродить свои этнокультурные традиции, суфийские ценности на государственном уровне квалифицировалось как возрождение родовых обычаев, «оживление идей мюридизма и рабского повиновения молодежи, в особенности женщин, законам адата»¹.

Упрощенная жесткая позиция, отмеченная выше, явилась основой для осуществления последующей системы идеологической работы, проводимой партийно-советскими органами среди чеченцев и ингушей, возвращавшихся на историческую родину, и стремившиеся возродить свои этнокультурные традиции.

Процесс массовой атеизации мусульман продолжался и в брежневский период. На местах партийные идеологические структуры осуществляли бескомпромиссную борьбу против пережитков прошлого, под которыми считались местные этнические обычаи, традиции, верования.

В советское время местные культуры на Северном Кавказе в ходе адаптации к системе приобретали свою специфику - социалистическое

---

¹ Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – XX в.). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – С. 909.

содержание и национальную форму. А официальный ислам, находившийся под контролем органов власти, был лишен возможности основательного изучения, он был сведен только к выполнению мусульманских обрядов. Публичное изучение Корана, а также в семье было категорически запрещено, самостоятельные попытки его изучения преследовались властью. Тем не менее в отдельных семьях наблюдались случаи изучения Корана, даже встречались подпольные мусульманские школы, обучавшие детей. Нередко муллы, осмелившиеся обучать детей основам ислам, подвергались репрессиям. В Дагестане, Чечено-Ингушетии действовали мюридские группы, придерживавшиеся культа святых, строившие мавзолеи в местах захоронения своих шейхов, устазов, организовывавшие паломничества в святые места.

На Северном Кавказе деятельность суфийских групп, имевшая протестный характер, часто выходила из под жесткого контроля власти, пытаясь приобрести самостоятельный характер. Учение суфиев, действовавших в регионе, исследователи ислама называли «параллельным исламом». Власть решительно сдерживала влияние суфиев на мусульман, часто принуждала официальное духовенство выступать против «народного», суфийского ислама, порождая вражду между ними. В местах проживания мусульман Северного Кавказа запрещалось строительство мечетей, издание религиозной литературы, главным образом текста Корана. Было запретным обучение основам ислама. Было запрещено переиздание Корана в переводе академика И. Ю. Крачковского, первое издание которого состоялось в 1963 году. Была резко ограничена возможность его прочтения на русском языке, в силу того, что он был передан на хранение в спецхраны библиотек. Второе издание Корана Крачковского было осуществлено в 1986 году и в этом случае он несколько лет подряд оставался библиографической

редкостью. Только в конце 80-х годов Коран на русском языке стали издавать с массовым порядком, что с процессом коммерциализацией издательской деятельности в СССР.

По мнению З. И. Левина: «В течение 70 лет воинствующего атеизма на территории СССР исламское богословие здесь оставалось в небрежении. В условиях идеологического и духовного вакуума, который образовался вследствие провала социалистического эксперимента, на пространстве бывшего Союза началось возрождение ислама»¹. Между тем пренебрежение к исламскому богословию привело к тому, что в стране не сформировалась широкая сеть профессионально подготовленного мусульманского духовенства. Слабость подготовки отечественного мусульманского духовенства привело к тому, что нетрадиционные для страны исламские течения, проникавшие из Афганистана, Ирана, Саудовской Аравии, завоевывали позиции среди мусульман, часто вытесняя традиционное духовенство. Мы исходим из того, что возрождение ислама в СССР, появление радикалистских, исламистских течений происходило до развала этой страны, что было сопряжено с процессами демократизации советского общества.

Эта мысль подтверждается З. И. Левиным, утверждающего, что «исламское возрождение, начавшееся в годы правления Горбачева, было частью гораздо более широкого процесса поиска национальной самобытности, характерного для всего бывшего СССР в конце 1980-х годов, когда гласность разрушила старые табу»².

В ЧИАССР до начала 80-х годов ситуация с исламом по всей была наиболее обескураживающей. Так, здесь не было ни одной действующей мечети, где мусульмане могли бы отправлять свои религиозные обряды.

---

¹ Левин З. И. Реформа в исламе. Быть или не быть?: опыт систем. и социокультур. исслед. – М.: Инт-т востоковедения РАН: Крафт+, 2005. – С. 195.

² Там же. – С. 180.

Они вынуждены были ездить в соседний Дагестан выполнение пятничных молитв. Углубление политики гласности и демократизации, возникновение условий для идеологического плюрализма, ослабление идеологического диктата в обществе активизируется политическая роль мусульман в СССР. Это было четко видно в деятельности мусульманских организаций в Средней Азии, где в 80-е годы действовали так называемые ваххабиты, являвшимися религиозными и политическими оппозиционерами для власти и официального духовенства.

У официального духовенства не существовало механизма по контролю над деятельностью религиозных радикалистов, оказывающих роль дестабилизации в обществе. Они стояли на позиции возрождения ислама, освобождения его из под диктата атеистической идеологии, единения мусульман и их активного участия в политических процессах, происходящих в стране. Более того, ваххабиты в Средней Азии, демонстрировали свою солидарность с афганскими моджахедами, оказывающими сопротивление оккупации советских войск.

В СССР значительный интерес к исламу возрастает с происшедшей в Иране исламской революцией и приходом к власти в этой стране аятоллы Хомейни. Исламская революция в Иране радикально изменила духовную, социально-политическую, экономическую ситуацию в стране. Исламские преобразования в Иране наглядно демонстрировали миру возможные пути прихода теократического государства на смену светскому государству, а также крах политической элиты, позиционировавшей себя в качестве сторонников западных либерально-демократических ценностей.

Важно признать и то, что горбачевская «перестройка и демократия» создали важные предпосылки для религиозного «ренессанса» в СССР. Значительно выросла политическая активность мусульман в

Центральной Азии, этот процесс затронул и Северный Кавказ. Бытовой ислам, широко распространенный в этих регионах, стал постепенно политизироваться. В духовную жизнь мусульман стали проникать радикалистские, исламские идеи, ориентирующие мусульман на более активное политическое участие в регионах их проживания.

Фиксируя эту ситуацию, А. Малашенко пишет: «В стране происходит постепенная радикализация ислама. Этот процесс с одной стороны обусловлен естественной для части мусульман религиозной формой выражения социального протеста, с другой, связан с нарастающей, то затухающей этнической и политической напряженностью в местах расселения мусульман»¹. В то же самое время в российских регионах наблюдалась не только радикализация ислама, но и присутствовала пассивность в стремлении глубже понять его базисные ценности. На этот аспект проблемы, имеющий свои региональные особенности, обращает внимание В. Х. Акаев, в своих многочисленных публикациях².

Возрождение ислама в конце советской власти – явление естественное и неизбежное, оно явилось следствием демократизации тоталитарной системы. Мусульмане стали восстанавливать прерванные в советский период естественные, историко-культурные контакты с исламским миром, пытаясь реинтегрироваться в него. Процесс бурного исламского возрождения вызывает обеспокоенность у партийно элиты

---

¹ Малашенко А. В. Ислам и политика в современной России // Мусульмане изменяющейся России. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – С. 22.

² Акаев В. Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. – Изд. 2-ое, перераб. и доп. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2011; Он же. Религиозно-экстремистские проявления среди мусульман и методы противодействия: региональные и глобальные аспекты // Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на Современном этапе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18-19 ноября 2016 года). Под ред. проф. Яхьяева М. Я. – Махачкала: АЛЕФ, 2016. – С. 109-112; Акаев В. Х., Вагабова Н. М. Религиозно-политический экстремизм в обществе: факторы детерминации, динамика и меры противодействия // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2016. - № 6; Акаев В.Х. Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры. – Грозный: ГУП «Книжное изд-во», 2020.

СССР. Так, 18 августа 1986 года Политбюро ЦК КПСС принимает свое последнее постановление «Об усилении борьбы с влиянием ислама». Партийная верхушка страны пытается сдержать политическое влияние ислама, вызванное исламской революцией в Иране. Кроме того, отчаянное упорство афганского джихада – также отразилось на религиозно-политическую ситуацию в СССР.

Идеи создания исламских партий и движений, исламского государства, которые высказывали ваххабиты, имеющие свои центры за рубежом проникали среди простых мусулдман. Политически ориентированные мусуьмане подвергали критике пассивную роль традиционного мусульманского духовенства, отход его от социальной справедливости, за поддержку коррумпированной власти.

Ваххабитов на Северном Кавказе журналисты стали называть спорным термином «новые мусульмане», что получило поддержку в работах А. Малашенко. На Северном Кавказе, начиная с середины 90-х годов, пользуясь переходными процессами, слабостью власти в стране и регионе, они пытались установить исламские порядки, активно навязывали мусульманам, адаптированного к местным этническим культурам, шариатские порядки. Как отмечает А. Малашенко: «Феномен «новые мусульмане» не ограничивается только молодежной средой. Есть основание палагать, что симпатии к исламским радикалам в мусульманской среде Северного Кавказа довольно устойчивы»¹. Скорее всего таких устойчивых симпатий в традиционных мусульманских обществах региона не было. Наоборот, веками воспитанные на базе этнических традиций они настороженно, чаще неприязненно относились к ваххабитам, пытавшимся навязать радиальные воззрения, на

---

¹ Малашенко А., Тренин Д. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России / Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2002. – С. 88.

сложившийся образ жизни, сформировавшиеся этнокультурные ценности.

Этого термина «новые мусульмане» придерживается и Э. Кисриев, полагающий, что его сторонники, то есть ваххабиты, отчуждаются от «других», видя в них неверных (*куфр*), язычников (*ширк*) или лицемеров (*мунафикун*)¹. Такая позиция ваххабитов-исламистов, породила у них конфликт с религиозными традициями народов Чечни, Дагестана, а в целом всего Северного Кавказа. И он отражался не только на духовную сферу, культуру, но и на социокультурную реальность, которую исламисты желали выстроить в регионе по своим религиозным канонам.

Этот процесс ускорился в связи с событиями в Чечне. 6 августа боевиками А. Масхадова, был захвачен г. Грозный, установилась во всей своей неприглядности власть сепаратистов, которая фактически отвергалась абсолютным большинством чеченского этноса. Но она искусственно навязывалась вооруженным меньшинством, использовавшим в качестве мощнейшего оружия исламскую риторику, призывы отказаться от светского антиисламского (шайтанского) образа жизни и выбрать путь шариата.

В Чечне в 1999 году А. Масхадовым было объявлено полное шариатское правление. Шариатская «территория» сложилась и в Дагестане, например, в так называемой кадарской зоне, названной Э. Кисриевым «кадарской коммуной», который в своем исследовании раскрыл её взлет и падение².

Неприятие религиозно-экстремистской идеологии и соответствующего образа жизни со стороны населения влекли за собой

---

¹ Кисриев Энвер. Ислам и социальные конфликты на Северном Кавказе // Религия и конфликт / Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – С. 127.

² Кисриев Энвер. Ислам и социальные конфликты на Северном Кавказе // Религия и конфликт / Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – С. 127.

репрессивные меры со стороны военно-полевых шариатских судов, установившихся в Чечне в 1995-1996 годы, состоявшие из числа «ичкерийских» сепартистов. Раскрывая преступные деяния сепартистов, исламистов В. Х. Акаев в своих исследованиях подчеркивает, что навязываемый ваххабизмом образ жизни, его идеологические ценности значительном количеством верующих ни в Дагестане, ни в Чечне, ни в Ингушетии не воспринимался и отношение к ним было более, чем негативно¹⁴. Несколько позже он приходит и к такому выводу: «Шариатское правление в Чечне, попытки ваххабизации во многом в закрытых чеченских и дагестанских традиционных обществах и создание «Кавказского халифата», религиозно-политический авантюризм и экстремизм исламистов, породившие противоречия и столкновения между верующими разных духовных ориентаций и между ними и органами государственной власти, привели к неоправданным человеческим страданиям, явились серьезными факторами угрозы для общества и государства»¹.

Если уровень конфликтной ситуации между исламскими традиционалистами и ваххабитами в Дагестане, Чечне и Ингушетии, начиная с 2000 года, благодаря вмешательству федерального центра, религиозно-политической активности местных органов власти, официального мусульманского духовенства, постепенно снижался, то в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии к 2005 году он достигает своего апогея.

В 2005 году в Нальчике произошли военные события, связанные с нападением религиозных экстремистов на силовые структуры Кабардино-Балкарии. С точки зрения С. Аккиевой, в условиях

---

¹ Акаев В. Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс? / Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. – Махачкала, 1999. – С. 38.

жесточайшего экономического кризиса, безработицы и люмпенизации населения ислам в своих радикальных формах может для значительной части населения, особенно молодежи, выступать как безальтернативная консолидирующая идеология. По ее мнению, главную опасность представляет не ислам сам по себе, а его политизация и структуризация, которой могут управлять извне определенные силы, заинтересованные в деструктивных процессах¹.

Анализируя эти события, С. Аккиева приходит к выводу, что органам государственной власти для активного противостояния религиозному экстремизму необходимо в первую очередь преодолеть проблемы безработицы. Для чего важно создавать рабочие места для молодых людей, с соответствующей заработной платой, позволяющей осуществлять нормальные человеческие потребности. Кроме того, Духовное управление мусульман Кабардино-Балкарии, как и в других республиках региона, могло бы осуществлять тесное сотрудничество с государственными органами власти, проводя последовательную просветительскую деятельность. По ее мнению, важно крайне осторожно употреблять термины «ваххабит» и «ваххабизм» в отношении молодых верующих. С. Аккиева полагает, что почти во всех государственных СМИ намеренно создается имидж ваххабита-экстремиста, что под этот термин может попасть и мусульманин «классического» толка².

Описывая конфликт между «ваххабитами» и властью КБР, А. Малашенко утверждает, что первые не принимали «арабский ислам», не отвергали с порога синтез местной и классической традиций³. Далее этот автор считает, что в КБР хорошо знают, что лидер кабардинских

---

¹ Аккиева С.И. Ислам в Кабардино-Балкарской Республике. - М.: Логос, 2009. - С. 101.

² Там же.

³ Малашенко Алексей. Мой ислам. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 84.

исламистов А. Астемиров со своими сторонниками избегал прямых столкновений с властью, стремились соблюдать закон. «Люди искали компромисса и не находили его»¹, - пишет А. Малашенко. Но тем не менее, в Нальчике вооруженные исламисты 13-14 октября 2005 года совершают нападение на силовые структуры (отделения милиции, ФСБ, воинскую часть и др.). По замыслу боевиков город должен был быть взят под их контроль с последующим его удержанием на протяжении некоторого времени. Организатором нападения считается лидер ваххабитского подполья Кабардино-Балкарии Анзор Астемиров и Илесс Горчханов².

А. Малашенко считает, что «исламским «оппозиционерам» Кабардино-Балкарии трудно подобрать определение», но при этом делает ссылку на высказывание Ахмеда Ярлыкапова, которого считает тонко «разбирающемся в кавказских проблемах», и назвавший их «новыми мусульманами»³. Что касается термина «новые мусульмане», то здесь необходимо уточнить, что этот термин в научный оборот ввел все-таки не А. Ярлыкапов, ибо он раньше встречается у самого А. Малашенко. Но А. Ярлыкапов предпринял очень не удачную попытку его конкретизировать. Так, он ввел в научный оборот различные производные от этого термина такие, как: «новый ислам», «старый ислам», «универсальный ислам», «истинный ислам», «правильный ислам», «глобальный ислам», «традиционный» и «нетрадиционный ислам»⁴. Содержание этих многообразных терминов процитированный автор не проясняет, но все они являются различными формами

---

¹ Малашенко Алексей. Мой ислам. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 84.

² В ходе операции в Нальчике был убит один из двоих организаторов нападения // Известия. – 2005. – 14 октября.

³ Ярлыкапов А. А. Ислам и конфликт на Кавказе: направления, течения, религиозно-политические взгляды // Этничность и религия в современных конфликтах. М.: Наука, 2012. – С. 610-611.

⁴ Там же. – С. 611.

«исламского фундаментализма» в России. У А. Ярлыкапова нет разъяснения, содержания термина «исламский фундаментализм». Критикуя эту позицию, В. Х. Акаев считает, что обилие терминов только запутывает суть проблемы¹²⁴.

Под «новым исламом» А. Ярлыкапов понимает такое исламское течение, как «ваххабизм». Однако ваххабизм никак не может быть «новым исламом», ибо это религиозно-политическое течение в самом исламе, которое сформировалось в первой половине XVIII века и связано с политической деятельностью ханбалитского алима Мухаммада ибн аль-Ваххаба. До конца 80-х XX века об этом течении в СССР мало кто знал, поскольку его последователи ничем себя не проявляли. О существовании этого течения было известно специалистам, изучавшим деятельность ваххабитов в Саудовской Аравии, на Ближнем Востоке, но большинство мусульман страны о нем никакого представления не имели. Между тем в России нет нового ислама, как нет и новых мусульман, но употребление таких терминов – запутывает ситуацию.

В Чечне конфликт, который проходил между ваххабитами и последователями тарикатов (кадирийа и накшбандийа), был устранен принятием жестких мер, была прекращена экстремистская и террористическая ваххабитских группировок. Но это был не единственный способ, одновременно здесь шел процесс возрождения этнонациональных традиций, что активно поддерживалось главой Чеченской Республики Р. А. Кадыровым. Среди молодежи осуществлялась и ныне осуществляется антиэкстремистская агитация, в том числе посредством распространения видеозаписей, разоблачающих джихадистскую деятельность в Сирии. Нередко «джихадисты» стремятся вовлечь в свои сети молодежь. В свое время был раскрыт заговор молодежи в г. Аргун против главы Чеченской Республики Р. А.

Кадырова. В селе Курчалой молодые сторонники «ваххабизма» сожгли зиярат (мавзолей) суфийского святого Янгулби-хаджи, утверждая, что совершают богоугодное дело¹.

Подобные случаи вызывает тревогу у экспертов, представителей органов власти, ориентирует их на выработку мер профилактики. Сегодня по всей Чечне осуществляется профилактическая работа с молодежью, разъясняющая ошибочность идеологии ваххабизма, джихадизма, террористической деятельности игиловцев.

Ученые Северного Кавказа ведут исследования, анализирующие радикалистские, экстремистские, террористические явления, прикрываемые исламскими лозунгами, выявляют причины их возникновения, факторы распространения и пути преодоления. Такая работа ведется в Дагестанском государственном университете, Академии наук Чеченской Республики, Грозненском государственном нефтяном техническом университете, Институте гуманитарных исследований Кабардино-Балкарии, Адыгейском государственном университете.

Здесь активно ведут исследования такие ученые, как В. Х. Акаев, М. И. Билалов, И. П. Добаев, С. И. Аккиева, Х. Х. Гацалов, С. А. Ляушева, М. Я. Яхьяев, которые уделяют значительное внимание рассмотрению проблем становления и развития ислама в контексте бытования этнокультурных ценностей народов Северного Кавказа. При этом особое внимание уделяется воздействию исламского возрождения на традиционные религиозно-культурные ценности народов, что способствует их культурному обогащению.

В региональных исследованиях ислама раскрываются вопросы, касающиеся религиозного радикализма и экстремизма, особенностей их

---

¹ Акаев Вахит, Солтамурадов Магомед. Ислам в современной России: противоречия между местными традициями и новациями // Центральная Азия и Кавказ. – 2016. – № 1. – С. 93.

функционирования. В этом отношении следует отметить исследования проводимые в ДГУ и в Академии наук Чеченской Республики. В ДГУ проводятся научно-теоретические конференции, посвященные изучению идеологических, психологических основ профилактики экстремизма и терроризма в современной России, стратегии противодействия вызовам экстремизма и терроризма, противодействию и идеологии и практике ваххабизма на Северном Кавказе¹.

Все это предполагает осуществления глубоко продуманных мер противодействия общества и государства экстремистским действиям исламистам. Наряду с пресечением деятельности экстремистов политико-правовыми средствами важно осуществлять эффективное духовно-культурное воздействие на молодежь со стороны общества, духовенства, ориентировать ее созидательные процессы. Широко вовлекая молодежь в общественно-полезную деятельность, организовывая центры доверия, взаимной поддержки, осуществляя образовательные программы по дезэкстремизации сознания молодежи, можно добиться минимизации агрессивности в их среде. Создавая социально-культурные условия, обеспечивая широкий фронт рабочих мест для молодежи, можно активизировать процесс ее социализации.

В целях противодействия экстремизму и терроризму в России разработаны правовые меры. Так, приняты и функционируют Федеральные законы: «О противодействии экстремистской деятельности», «Об общественных объединениях», «О средствах массовой информации», «О свободе совести и религиозных

---

¹ Идеологические и психологические основы профилактики и предупреждения экстремизма и терроризма в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 26-27 ноября 2014 года. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014; Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 18-19 ноября 2016 года. – Махачкала: АЛЕФ, 2016; Проблемы совершенствования межнациональных отношений и противодействия идеологии и практике ваххабизма на Северном Кавказе. Материалы региональных научных конференций / под ред. В. Х. Акаева, С. С. Магамадова. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017.

объединениях», «О политических партиях», «Об оперативно-розыскной деятельности» и др. Приведенные законодательные нормы составляют правовую основу, позволяющие противодействовать проявлениям религиозно-политического экстремизма.

Отмеченные законодательные нормы приобретут практическую эффективность в случае, если они будут подкреплены социально-экономическими, политическими, психолого-идеологическими действиями. Эти действия должны быть направлены на выявление радикализма и экстремизма, на осуществление профилактики и противодействие. В Чеченской Республике органы власти, духовенство, общественные организации, учебные заведения накопили значительный опыт по осуществлению профилактики и противодействию экстремизму в молодежной среде, имеющий региональное и общероссийское значение. Так, два раза в месяц представители духовенства, студенты Российского исламского университета им. Кунта-Хаджи встречаются со школьниками, молодежью колледжей и вузов республики с целью проведения работы по духовно-нравственному их воспитанию. Эта форма деятельности строго коррелируется с Программой по духовно-культурному развитию молодежи Чеченской Республики, утвержденной Главой Чеченской Республики Р. А. Кадыровым.

Представляется, что подобные формы работы с молодежью с учетом специфики регионов вполне можно реализовать по всей стране. В качестве позитивного примера можно привести и деятельность муфтия Северной Осетии-Алании Хаджимурата Гацалова. Он проводит значительную работу по профилактике и противодействию экстремизма в данной республике. Так, 25 мая 2016 года во Владикавказе проходила исламская богословская конференция, принявшая фетву о неприменимости к республике термина «дар аль-харб» (территория

войны). Это решение было мотивировано тем, что мусульмане живут в Северной Осетии-Алании в условиях безопасности, пользуются религиозной свободой, гарантированной Конституцией страны, совершают исламские обряды. Духовным управлением Северной Осетии-Алании была принята и такая фетва, которая запрещала местным мусульманам участвовать в сирийских событиях¹. По мнению муфтия Х. Гацалова, позиция ДУМ Северной Осетии-Алании, способствовало резкому ограничению оттока молодежи в Сирию.

Анализируя возможности ослабления влияния экстремистских идеологий на мусульман, Натана Дж. Делонг-Ба, работающая в Центре исламо-христианского взаимопонимания Джорджтаунского университета США, пишет, что «необходимо на самом высоком международном уровне озаботиться борьбой с их причинами – бедностью, несправедливостью, авторитаризмом, подавлением свобод и чувством безысходности»². С её точки зрения, и это «достижимо только при финансовой и политической поддержки мирового сообщества»³.

Идеи высказанные Делонг-Ба безусловно актуальны как в научном, так и практическом отношении. Вопрос в осознании международным сообществом необходимости решения обозначенных ею проблем, сопряженных существованием масштабной бедности среди мусульман, но и среди немусульман, установление в различных странах социальной справедливости, скорее всего, создание идеального совершенного общества, которого пытались построить утописты, современные коммунисты. В мире немало авторитарных обществ, государств, опирающихся даже на религиозные, в том числе и исламские ценности,

---

¹ Гацалов Х. Х. Россия и ислам: на острие атаки. – Пушкино, 2016. – С. 249.

² Де-Лонг-Ба Н. Дж. Реформы Мухаммада Ибн Абд аль-Ваххаба и всемирный джихад. – М.: Ладомир, 2010. – С. 297.

³ Там же.

лозунги. Одоление их – равносильно всемирной социальной революции, что с трудом представляется возможным.

Высказанные Делонг-Ба идеи имеют актуальную социальную значимость, они востребованы современностью. Но их практическая реализация возможна усилиями всего человечества, всемирным сознанием необходимости реформирования, совершенствования современных человеческих отношений и соответствующих практических действий. При этом очень важно осознать сакральность человеческой жизни.

Представляется, что для широкого исследования причин радикализма и экстремизма, важно выработать эффективную систему мер противодействия с опорой на новые технологии. Для этих целей следует подготовить квалифицированные кадры, основательно владеющими фундаментальными знаниями ислама, методологической подготовкой. Полагаем, что назрела необходимость разработки Комплексной программы эффективного противодействия экстремизму и социализации молодежи Северного Кавказа. В разработке этой государственной важности задачи должны принять участие как ученые, так и практики, связанные с обучением школьников, студентов, а также с молодежными организациями.

Выводы: Исламское возрождение среди народов Северного Кавказа – явление специфическое, противоречивое, детерминировавшее духовно-культурную, политическую, социальную активность российских мусульман, которые в годы существования советской системы были лишены такой возможности.

В постсоветский период ситуация решительно изменилась, верующие, в том числе и мусульмане стали реально возвращаться в лоно

ислама. В христианстве это явление называется «воцерковлением». И этот сложный, нередко противоречивый процесс среди мусульман Северного Кавказа, в том числе и чеченцев, проявлялся следующим образом: все больше людей стали исполнять мусульманские обряды, строго соблюдать время исполнения молитв, посещают мечети, меняя светские привычки на регламентированные исламские обряды. Осваиваются положения шариата, то есть строго обязательные для мусульманина действия, старались воздерживаться от действий запретных (харам).

Этот процесс реисламизации протекал со своими позитивными и негативными проявлениями. То, что верующие в условиях краха государственной, атеистической, коммунистической идеологии обратились к возрождающемуся исламу, безусловно, явление позитивное. И оно было востребованно временем, поиском верующими духовных скреп, которые их объединяло в нестабильном мире рыночных отношений и соответствующих моральных принципов.

С исламским возрождением были сопряжены и такие негативные явления как религиозный радикализм, экстремизм, направленные против этнокультурных и мусульманских традиций, исторически сложившихся в регионе. Салафитские, ваххабитские течения, активно распространявшиеся в постсоветский период на Северном Кавказе, порождали антоганистические противоречия, часто сопровождавшиеся столкновениями и кровавыми конфликтами. Эти конфликты возникали между исламистами в лице салафитов, ваххабитов и традиционалистами, придерживавшимися ценностей местного ислама – последователи тарикатов, суфизма и так называемого народного ислама.

Салафиты, ваххабиты выступали против традиционного для региона ислама, считая, что он является заблуждением, призывали

мусульман, придерживающихся местных религиозных практик, связанных с почитанием культа святых, отказаться от них и строго соблюдать принцип таухида (единобожия). Однако такой регоризм исламистов получил поддержку только у узкого круга мусульман Дагестана, Чечни, Ингушетии, Карардино-Балгарии. В своем большинстве мусульмане региона были против исламистов, видели в их деятельности опасность не только для своей духовной культуры, но и для всего общества и государства в целом.

Только принятие жестких мер со стороны государства позволило остановить экстремистскую, террористическую деятельность радикальных исламистов, которую они развернули в 90-е – 2000-е годы на Северном Кавказе.

2.3 Механизмы адаптации исламского возрождения к местным этнокультурным ценностям

Возрождение ислама на Северном Кавказе никак не было связано в теми обновленческими, модернистскими трансформациями, которые происходили с исламом в XVIII-XX веках в странах мусульманского мира. Не коснулось северокавказского ислама иваххабитское движение XVIII века, возникшее в Саудовской Аравии, обошли региони реформаторские политические концепции, связанные с панисламизмом, национализмом¹, исламская революция в Иране (1978–1978 гг.).

---

¹ Степанянц М. Т. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX–XX вв.) – М.: Изд-во «Наука», 1982. – С. 108-148.

Однако после развала СССР с той или иной степенью интенсивности эти идеи, концепции стали проникать в мусульманские регионы. Среди мусульман бывшего СССР проникали идея образования Всемирного халифата, направленного против США и западной цивилизации. Наиболее активно эта идея долгое время продвигалась Усамой бен Ладеном, который в своё время был использован королевским двором Саудовской Аравии, а также США в Афганистане с целью мобилизации мусульманских воинов на джихад против советских войск. Джихад, под знаменем которого он и его соратники сражались с вооруженными силами СССР в Афганистане им был направлен против коррумпированного королевства Саудовской Аравии, поработанного Соединенными штатами¹.

Усама бен Ладен и его сторонники, которых часто именуют² радикальными исламистами, были убеждены в том, что пока Запад, особенно США, будет иметь доступ к Сердцу ислама, то есть к священным для мусульман территориям, то невозможно будет установить истинное исламское правительство и разрешить все проблемы, раздирающие мусульманский мир³.

Эти радикалистские идеи, оформляемые исламской риторикой, даже обосновываемые с опорой на положения Корана, через интернет ресурсы активно проникают в постсоветское пространство, особенно в молодежную среду, которая активновосприимчива к несправедливости, крайним проявлениям, готова, не размышляя о последствиях, на решительные практически действия. Некоторые из них были втянуты в экстремистские и террористические группировки, создававшиеся в

---

¹ Жаккар Р. Именем Усамы бен Ладена. Секретное досье на террориста, которого разыскивает весь мир. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С. 59.

² Бодански Й. Талибы, международный терроризм и человек, объявивший войну Америке. – М.: Вече, 2002. – С. 15.

³ Ислам в России и Средней Азии. – М.: Лотос, 1993. – С. 179.

Средней Азии, Поволжье, на Северном Кавказе, в также в ряде других регионов России.

Эти социальные, религиозно-политические предпосылки, затрагивавшие зарубежный мусульманский мир, практически не отражались на образ жизни мусульман СССР, в частности Северного Кавказа, хотя отголоски этих потрясений, происходивших в мусульманском мире в приглушенном виде до них доходили. Скорее всего с этим следует связать принятие Политбюро ЦК КПСС 8 августа 1986 года своего последнего антиисламского постановления «Об усилении борьбы с влиянием ислама». Его принятие в основном было обусловлено прежде всего религиозно-политической ситуацией в Средней Азии. 80-е годы в этом регионе активизировалась деятельность так называемых ваххабитов, выступивших в качестве религиозных оппозиционеров. Они не контролировались официальным, традиционным для этого региона духовенством, но решительно выступали за активное внедрение в мусульманское общество шариата. Были сторонниками распространения ислама на светскую жизнь, политические процессы, происходящие в обществе. Находились и те, кто высказывался с осуждением политики СССР в Афганистане, поддерживая сопротивление афганских моджахедов.

Идеологические структуры СССР, эксперты по исламу понимали, что в мусульманском мире идет рост осознания необходимости участия мусульман в политике, фиксировали влияние фундаментальных, часто радикальных течений в исламе во всем мусульманском мире. Этому способствовали исламская революция в Иране и отчаянное сопротивление моджахедов в Афганистане. В высших политических структурах страны зрело понимание того, что все это найдет отклик

среди советских мусульман, в том числе и проживающих непосредственно в РСФСР.

Исламские фундаменталистские группы впервые в СССР стали возникать в Таджикистане, они состояли из молодых людей, выходцев из бедных, незнатных сословий традиционного таджикского общества. Ими в 1983 году издается журнал, объединяющий таджикских мусульманских фундаменталистов под названием «Хадойат», что переводится как «Водительство»¹.

В СССР, в её регионах, где проживали мусульмане, особое беспокойство вызывали настроения среди молодежи. Несмотря на свою аполитичность, она была хорошо осведомлена о религиозно-политических выступлениях на Ближнем и Среднем Востоке. Часто эта осведомленность была вызвана прослушиванием различных враждебных зарубежных радиоголосов.

Уже в 70–80-х годах в СССР значительно возрастает интерес мусульман к исламу, эта ситуация эксперты считают «исламским бумом» и в определенной мере это связано с исламской революцией в Иране, успехами мусульман-джихадистов в Афганистане, приходом к политической власти исламистов в Судане, экстремистскими действиями исламских радикалов в Палестине, исламским курсом Пакистана, усилением авторитета Саудовской Аравии в мусульманском мире и пр. Отголоски этих религиозно-политических событий в мусульманском мире доходили и до советских мусульман, что в определенной мере являлись демонстрацией политического потенциала ислама.

Вместе с тем, отечественные исследователи отмечали, что в мусульманских регионах, например в Центральной Азии, не приходилось

---

¹ Лукоянов А. К. Иранский фундаментализм и Центральная Азия // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). – М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001. – С. 276.

расчитывать на то, что мусульманами будет поддерживаться исламская революция Ирана и прочие процессы политической активизации мусульман, так как советский социализм осуществляет экономическую справедливость в широких пределах, а потому мусульмане не испытывают особых недостатков.

Мощным импульсом для подъема политической активности мусульман в СССР явились «перестройка, гласность, демократия и новое мышление» Горбачева. Эта политика в корне изменила экономические, политические, идеологические основы Советского государства. В стране были созданы предпосылки религиозного возрождения всех религий, в том числе и ислама. Демократические процессы в стране, в её регионах способствовали восстановлению историко-культурной сущности советского мусульманства, расширению и углублению связей с исламским миром.

Эти процессы отразились на народах Северного Кавказа и на их этническую культуру, духовные ценности. Мусульмане Северного Кавказа в годы советской власти оказались в изоляции от влияния зарубежного ислама, исламских центров.

Проблема духовного взаимодействия, взаимопроникновения культурных ценностей четко просматривается в быту и жизни народов Северного Кавказа. Именно в годы советской власти культурные процессы в регионе имели выраженную интеграционную тенденцию. В этом период шел процесс противодействия проявлениям религиозных пережитков. К их числу относили и исламские ценности, которых придерживались простые люди, исполняющие в быту религиозные ритуалы, основанные на древних религиозных традициях. Советская власть прилагала не мало усилий в осуществлении атеистической,

коммунистической интеграции мусульманского населения Северного Кавказа.

Но этот социально-культурный эксперимент не был успешным, если не сказать, что оказался провальным. Верующие, в том числе и мусульмане, не были предрасположены к смене своих религиозных убеждений в пользу идей коммунистического, богоборческого общества. Среди мусульман Северного Кавказа органы советской власти, особенно идеологические структуры проводили политику атеистического и интернационального воспитания населения. Так, Х. Х. Боков, раскрывая механизм этой борьбы, заявлял, что в Чечено-Ингушетии «старые шариатские и адатские обычаи бракосочетания серьезно потеснены». Приводил цифры о том, что в 70-х годах XX века в Чечено-Ингушетии у 43,6 % чеченцев и 51 % ингушей брак оформлен в заксе, минуя эти обычаи¹. Во многом этот результат все-таки был связан с карьерными соображениями молодых людей, вынужденных принять светские нормы бракосочетания.

Другой исследователь проблем религиозности народов Северного Кавказа И. А. Макатов отмечал, что верующие горцы (дагестанцы, чеченцы, ингуши и др.) стремились через ислам отгородить от атеизма свои религиозно-этические особенности². Идеологические работники, пропагандисты атеизма предпринимали активное участие в превращении вчерашних верующих, сектантов в борцов против религиозных предрассудков. Успех в этом направлении широко рекламировался путем

---

¹ Боков Х. Х. Развитие духовной культуры трудящихся Чечено-Ингушетии и проблемы преодоления националистических и религиозных пережитков // Социология, атеизм, религия / Чечено-Ингушский НИИ истории, языка и литературы при Совете Министре Чечено-Ингушской АССР. Том III, выпуск 1. – Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976. – С. 42.

² Макатов И. А. Об особенностях процесса сближения верующих различных национальностей / Социология, атеизм, религия / Чечено-Ингушский НИИ истории, языка и литературы при Совете Министре Чечено-Ингушской АССР. Том III, выпуск 1. – Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976. – С. 253.

проведения телепередач, написания статей в газетах, специальных журналах пропагандистского характера.

Культура народов Северного Кавказа, с точки зрения соцреализма, по своему содержанию признавалась социалистической, а по форме национальной. В рамках этой политико-идеологической парадигмы культурные достижения народов были очевидны: постепенно шел сложный процесс преодоления религиозных, националистических, шовинистических пережитков, формировалась атеистическая, региональная советская культура. Её достижения были широко представлены в автономных республиках в строительстве учреждений культуры, театров, музеев, в постановке спектаклей, издании национальной, двуязычной литературы, проведении торжественных юбилейных мероприятий, которые проводились как в регионах, так и в Москве. Все это было направлено на формирование интернациональных отношений между советскими нациями и народностями.

Нынешний же процесс духовного и культурного развития народов Северного Кавказа имеет свои особенности, явившиеся следствием уничтожения общей идеологии, культурных ценностей, преодоления системы атеизма. Всё это способствовало активному возрождению православия и ислама в постсоветский период. Народы Северного Кавказа все больше стали обращаться к своим религиозным корням. Они при поддержке бизнеса, меценатов, отдельных людей интенсивно строят церкви и мечети, большое количество людей стало обращаться к религиозной практике, выполнять обряды, регулярно молиться.

Между народами, исповедующими разные религии, несмотря на имеющиеся разногласия, противоречия идет процесс взаимоузнавания, сближения позиций по социальным проблемам, затрагивающим всех людей, нуждающихся в материальной поддержке. Часто меценаты,

придерживающиеся исламской веры, оказывают помощь в строительстве православных храмов. Мусульманское и православное духовенство выступают против религиозно-радикалистских проявлений, наносящих вред человеку, гражданину страны. Свою позицию они озвучивают на различных форумах, обсуждающих проблемы религии, ислама и христианства, а также их общие взаимоотношения.

Нынешнее культурное сотрудничество - естественный процесс адаптации к изменяющемуся миру с его глобальными преобразованиями. Анализ этих моментов – важнейшая исследовательская задача, требующая объективного подхода, точного отражения реальных процессов. Вместе с тем, встречаются позиции, имеющие субъективный, произвольный характер, искажающие реальные социокультурные процессы, уводящие в сторону от научной истины.

Так, 25 декабря 2000 году С. Маркедонов пишет: «Реализация же «русского проекта», то есть строительство гражданских институтов с опорой на «русскоязычный элемент» в кавказских условиях, была бы, по нашему мнению, в равной степени полезна и государству, и обществу. Именно русские в большей степени заинтересованы в скорейшем преодолении этно- и тейпократии, в создании равных возможностей для карьерного роста и свободной от кровнородственного протекционизма предпринимательской деятельности»¹.

Это позиция ставит уровень общественного, гражданского развития народов Северного Кавказа на низкую социальную ступень развития. Более того, у цитируемого автора ложное понимание «русского проекта», а так называемого строительство гражданских институтов с опорой на «русскоязычный элемент» – политика, которая не может привести к

---

¹ Маркедонов С. Возможно ли гражданское общество на Кавказе? // http://old.russ.ru/politics/polemics/20001225_marked.html.

интеграции российского общества, провозгласившего себя обществом, ориентированным на демократические ценности, свободное развитие народов и их религий и культур. Речь должна идти о «русском элементе», подборе и расстановке кадров «русских» и «нерусских» элементов, но обладающих высоким профессионализмом, нравственностью, весьма далекими от коррупции. Как известно, с развалом СССР количество русских на Северном Кавказе значительно уменьшилось, вернуть их в этот регион, которого постигла участь деиндустриализации вряд ли удастся. Нерусское население значительно возрастает и эта ситуация – объективный процесс, который не может быть прерван естественным путем. И это население не является чуждым для России, а потому национальная политика государства должна осуществляться, учитывая этот объективный процесс. Необходимо все больше молодых людей вовлекать в полезное для страны дело, давая им возможности для карьерного роста, осуществления бизнеса, вовлекая в управленческие структуры.

Ситуация выпуклого проявления этнократии и тайпократии, о которой пишет С. Маркедонов – результат того же самого развала и той политики, которая негативно отразилась на Северный Кавказ. Чтобы изменить эту ситуацию, по крайней мере, необходимо выполнить два условия: 1) Реанимировать СССР, что не представляется возможным, 2) изменить нынешнюю национальную политику, проводимую в стране, особенно её кадровую составляющую. Что касается понятия «тайпократия», то соответствующего ему явления в Чечне, вопреки мнению С. Маркедонова, отсутствует. Это вымышленный термин, сформулированный с целью изобразить чеченское общество соответствующий уровню родо-племенных отношений. Полагаем, что описываемой ситуации подходит термин «кланократия», а

соответствующее ему явления характерно для всей России. И эта ситуация – результат распада СССР, отката от более прогрессивных социально-экономических отношений, имевших место в стране, возникновения диких рыночных, капиталистических отношений. Что касается утверждения о карьерном росте и свободной от кровнородственного протекционизма предпринимательской деятельности, то эти процессы в России реальны и их отсутствие возможно только в воображаемом мире.

По мнению С. Маркедонова: «Социальные отношения в русскоязычной среде также не носят родового или кланового характера», «русские на Кавказе – в наименьшей степени патриархальная общность, впитавшая в себя ценности индустриального общества и либеральной демократии»¹. Между тем, в годы советской власти республики Северного Кавказа подверглись мощной индустриализации, велась целенаправленная политика по созданию промышленных рабочих из числа коренного населения. Она проводилась с непосредственным участием высококвалифицированных кадров, присылаемых из центра в национальные окраины для ликвидации безграмотности, развития здравоохранения, создания промышленных предприятий, развития сельского хозяйства, образования и культуры. И роль русских кадров здесь нельзя отрицать.

Такая политика советской власти способствовала преодолению многовековой безграмотности этих народов, поднятию их экономического и культурного уровня. Но с развалом СССР начался процесс деиндустриализации не только Северного Кавказа, да и всей страны. Были приватизированы, разрушены заводы и фабрики, которые

---

¹ Маркедонов С. Возможно ли гражданское общество на Кавказе? // http://old.russ.ru/politics/polemics/20001225_marked.html.

составляли экономическую основу крупных городов, регионов страны. Квалифицированные рабочие, инженеры, специалисты, учителя, врачи превратились в бедный слой общества, когда бывшие спекулянты, фарцовщики, аферисты, уголовники превратились в состоятельный слой, олигархов, прибравших к рукам то, что десятилетиями было создано трудом советского народа.

По мнению С. Маркедонова, в прочных, квалифицированных русских общинах заинтересованы многие этносы, проживающие на Кавказе (особенно в республиках с двумя «титულными нациями»). Часто в межэтнических конфликтах русские выступают в качестве арбитра, «третьей силы». С. Маркедонов считает, что пример Дагестана 1999 года продемонстрировал, что кавказские этносы боятся «ичкерийского империализма» куда больше, чем русского. Кроме того, не следует забывать и о том, что без массовой поддержки русскоязычного населения невозможна и любая мало-мальски эффективная политика государства по стабилизации ситуации на Кавказе»¹.

Процитированный текст С. Маркедонова показывает этнополитический контраст, сложившийся в регионе в силу распада СССР, ослабления центральной власти, усиления сепаратистских тенденций, детерминированных политикой Ельцина, предложившего российским автономным образованиям – республикам «взять суверенитет столько, сколько смогут проглотить». Введенное автором понятие «ичкерийский империализм» – произвольный, вымышленный термин, некорректное отражение противоречивой политической, религиозной реальности 90-х годов в Чечне. Это авторская

---

¹ Маркедонов С. Возможно ли гражданское общество на Кавказе? // http://old.russ.ru/politics/polemics/20001225_marked.html

интерпретация – субъективное положение, искажающее сложившуюся в отмеченный период реальную ситуацию.

Затрагивая роль русскоязычного населения в республиках Северного Кавказа в плане утверждения среди них культуры европейского типа, важно отметить, что она была значительной. Да и сегодня она сохраняет своё значение. Благодаря русским специалистам, управленцам на Северном Кавказе происходило экономическое, культурное развитие его народов. Образование, культура, наука народов региона во многом – прямое следствие участия русских специалистов, учителей, которые щедро делились с ними со своими знаниями, опытом. Именно поэтому жители г. Махачкала в благодарность за огромный подвижнический труд в деле образования и воспитания дагестанских детей поставили памятник русской учительнице.

Русское и русскоязычное население в Дагестане, Чечне, Ингушетии сократилось в силу тех политических, экономических преобразований, которые начались в связи с горбачевской перестройкой, развалом СССР, остановкой и ликвидацией промышленных и социальных объектов, где в основном трудились квалифицированные кадры. Отсутствие перспектив в дотационных регионах, где не было возможности трудиться и получать стабильную заработную плату, получить жилье, отсутствие гарантий безопасности в условиях нестабильности принуждало русских перемещаться в более стабильные регионы страны. Без учета этих факторов, высказанная С. Маркедоновым позиция, нельзя считать корректной, объективной.

Активность местных этнополитических процессов на Северном Кавказе была сопряжена с дезинтеграционными событиями в стране, разрывом вертикальных и горизонтальных связей между центром и регионами, между самими регионами. В этой ситуации находились силы,

подталкивавшие регионы к суверенизации, политической независимости народы. Находились и те, которые активно ратовали за возрождение ислама, укрепление его роли в обществе, предлагая внедрить нормы шариата в различные сферы светской жизни. Между тем федеральный центр не смог вовремя выстроить систему противодействия сепартистским и экстремистским проявлениям, фактически дискретитировавшими традиционные исламские и этнокультурные ценности.

Исламское возрождение на Северном Кавказе – относительно завершившийся сложный, часто противоречивый, трагический процесс. Эту особенность он приобрел в ходе появления в регионе радикалистских, экстремистских течений, прикрывавшихся религиозными лозунгами, призывами к мусульманам принять активное участие в политических процессах, ориентированных на кардинальное изменение религиозно-политической ситуации.

Выводы: Попытки адаптации нетрадиционных для Северного Кавказа исламских течений, связанных с салафизмом и ваххабизмом, к местным традиционным религиозным ценностям не увенчались успехом. Представители традиционного для региона ислама отвергали радикалистские и экстремистские идеи, направленные на разрушение духовно-культурной стабильности, существовавшей на Северном Кавказе.

Социокультурные, религиозно-политические перемены, происходившие в регионе предполагали мобилизации традиционных этнокультурных, религиозных ценностей, утвердившихся в местных обществах для противодействия исламистским новациям, которые искусственно навязывались. В этом отношении местные религиозные

традиции, укорененные в образе жизни, мировидении народов Северного Кавказа оказались востребованы обществом и властью, чтобы не допустить прочной адаптации исламистских новаций в условиях возрождения этнической культуры и духовности народов региона. Духовно-нравственный потенциал этнической культуры наряду с законами государства явился важнейшим фактором, который ныне успешно используется для противодействия проявлениям религиозного экстремизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании на основе теоретико-методологического анализа, системного подхода, использования принципов историко-культурного развития социальных, духовных явлений конкретного эмпирического материала, сопряженного с состоянием многообразия форм этнокультурного бытования народов Северного Кавказа, осмыслены их историческое и современное развитие. В контексте этого значительное внимание уделено раскрытию общих и особенных аспектов этнического, этнокультурного, религиозного, духовного развития северокавказских народов.

Этнические и языковые различия, присущие народам Северного Кавказа, рассмотрены с учетом их мировоззренческих ценностей, формировавшихся на основе взаимодействия с различными формами духовности – язычества, христианства, ислама, религиозного и светского компонентов, представленных в синкретической форме. В ней содержатся как мифологические, религиозные так и строго научные аспекты воспроизведения реальности, характеризующие их целостный характер. Анализ этих позиций позволил выявить религиозно-культурные особенности мусульманских народов Северного Кавказа.

В исследовании специально раскрыты этнокультурные особенности народов Северного Кавказа, выявлены их мировоззренческо-мифические ценности, общие историко-культурные, духовные связи, этнические и языковые различия. При этом установлены их особенные и общие мифологические, культурные, религиозные истоки, выявленные в ходе изучения исторического, фольклорного, духовно-религиозного многослойного пласта культур народов региона.

Особенности религиозно-культурных различий народов Северного Кавказа выявлены, используя эмпирические факты, характеризующие этнокультурную специфику того или иного народа и при наличии религиозной их общности. В ходе изучения ситуации возрождения ислама на Северном Кавказе диссертант уделил значительное внимание историко-культурным особенностям развития народов, их этнокультурному, языковому многообразию, духовно-культурным ценностям, обычаям, традициями, верованиям.

В ходе исследования раскрыты особенности религиозно-культурных различий народов Северного Кавказа, отражающие как христианские, иудейские и исламские ценности, которые в ходе исторических процессов находились в состоянии конфронтации, а также в условиях мирного сосуществования и взаимодействия. Распространение и доминирование ислама в культурах народов региона объясняются как факторами насильственного навязывания, так и увещанием, пропагандой, ориентирующей на достижение единобожия, социальной справедливости, преодоление языческих ценностей.

Возрождение ислама на Северном Кавказе происходило в условиях важнейших социально-экономических, политико-идеологических, культурных перемен в СССР, а затем в новой России, что демократизировали конфессиональные отношения в обществе и государстве. Эта ситуация привела к появлению нетрадиционных для страны и региона исламских течений, которые через создание религиозных школ (медресе, исламских институтов), финансирования мусульманского духовенства, строительство мечетей продвигались среди населения, особенно среди молодежи. Эти учреждения в народе получили название ваххабитских, ученые часто их именуют

исламистскими, но при этом различают умеренных и радикальных сторонников исламизма. Особенность религиозно-политической ситуации в регионе заключается в том, что формировалось мусульманское общество, альтернативно настроенное против сторонников традиционного ислама, подвергавшее его резкой критике, полагая, что оно не основано на шариате, а потому подлежащим к исправлению. На этой основе возникали конфликты между мусульманами и ваххабитами, часто завершавшимися кровопролитием.

Исламское возрождение на Северном Кавказе происходило в рамках бытования традиционной этнической культуры, что отражается на его состоянии и динамике. Именно местные этнические традиции не позволили утвердиться нетрадиционным для региона исламским течениям, так называемым салафитам, ваххабитам, ставившим «революционные цели»: заменить местный ислам «правильным, «чистым» исламом, посторить кавказский халифат, вытеснив с региона русских. Безусловно, эти процессы отразились в негативном плане и на этнические традиции, исторически сложившиеся среди народов Северного Кавказа, находившиеся в состоянии инкультурации с русским и другими народами.

Исламское возрождение оказывало влияние на традиционные этнические культуры через разные факторы. Прежде всего среди их застывших религиозном отношении мусульман стали появляться исламские партии и движения, что сопровождалось интенсивном строительстве мечетей, открытием исламских школ, институтов, университетов, изданием религиозной литературы на арабском и русском языках. На русском языке она издавалась в больших тиражах, составляя основу исламского просвещения многих бывших советских

граждан, в том числе коммунистов, некоторые из которых превратились активных приверженцев возрождающегося ислама.

С точки зрения многих западных специалистов, религиозные культуры народов Северного Кавказа считаются закрытыми, не проницаемыми для анализа, исследования, хотя эта позицию нельзя считать корректной. Ничего не проницаемого в этих культурах никогда не было. Просто они редко оказывались предметом изучения для западных специалистов. Именно поэтому для многих причины конфликта между этнокультурными религиозными традициями и исламизмом, который искусственно внедрялся в духовную культуру народов Северного Кавказа, до сих пор не ясны в силу незнания глубинных религиозных, этнокультурных региональных проблем.

Традиционные исламские ценности – суфизм для Северо-Восточного Кавказа и – народный ислам, непосредственно привязанный к адатам для народов Северо-Западного Кавказа, были всегда прочны. Они оказались непоколебимыми под воздействием идеологии и практики салафизма, ваххабизма. Последние стремились дискредитировать, а в конечном итоге размыть этнические традиции, заняв в последующем доминирующее религиозно-политическое положение среди народов Северного Кавказа. В этом состояла стратегическая задача исламистов. Между тем духовные лица представители традиционного ислама на Северном Кавказе хорошо осознавали опасность, исходящую от радикалистов и исламистов, а потому и предпринимали решительные действия в защиту своих традиций, в том числе и религиозных. Исламисты чувствовали свою политическую силу, поскольку получали финансовую и идеологическую поддержку. В отношении традиционалистов они вели себя агрессивно, совершали убийства своих противников, не соглашавшихся с их идеологией и практикой. Такая

ситуация складывалась в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии.

Исламское возрождение, пришедшее в традиционных северокавказских обществах – явление специфическое, имевшее противоречивый характер, сопряженный с деятельностью нетрадиционных для региона религиозных течений, преследовавших цель искоренения этнокультурных традиций, оттеснения на периферию политической, культурной жизни местные формы ислама, исторически адаптировавшихся к культурному ареалу бытования народов региона. В ходе возрожденских тенденций обострились взаимоотношения между новаторами-ваххабитами и местными исламскими традиционалистами.

Влияние исламского возрождения на традиционные этнические культуры народов Северного Кавказа проявлялось в том, что последователи ислама стали более активными в социальных, духовно-культурных процессах. Представители традиционного ислама возрождали традиционные системы мусульманского образования в регионе, стали использовать современные новации, применяемые в крупных центрах исламского образования, например, в Сирии, Египте, Саудовской Аравии, Малазии и т.д.

Вместе с тем, в процессе исламского образования важное место занимало система образования, которая внедрялась салафитами, часто именуемая ваххабитской. Наиболее распространены такие школы были в Дагестане, Чечне, Ингушетии. Они функционировали на финансовые средства, поступающие из разных фондов, связанных с Саудовской Аравией. Традиционное исламское образование в Чечне давал, например, Исламский университет, функционировавший в г. Грозном, ректором которого являлся М. Насуханов. В значительной мере он являлся противником, внедряемых в Чечне ваххабитских новаций.

Преобладающая часть исламских школ, существовавших в Чечне, в своей образовательной деятельности были нацелены на освоение ислама, интерпретируемой ваххабитами. В этих школах основное внимание уделялось на изучение ислама, который бытует не среди народов Северного Кавказа, а в Саудовской Аравии и в странах, где ваххабизм имел наибольшее влияние. Этнокультурные ценности, в том числе и исламские, которые бытовали среди чеченцев в них подвергались критике и преподносились как заблуждения, требующие преодоления, ваххабитские духовные ценности.

Причины конфликта между этнокультурными традициями народов Северного Кавказа и глобальным исламизмом, одной из форм, которого был салафизм, являются достаточно глубокими. Это связано с тем, что исламские традиции народов Северного Кавказа имеют свою специфику, ибо основаны на глубоких культурных ценностях, имеющих локальный, этнический местный характер.

Преодоление этого противоречия, было не под силу идеологии и практике исламизма ориентирующего мусульмана мирового «джихад» во имя воссоздания Всемирного Халифата. Такие идеи и соответствующая им практика, чаще всего имеющая террористический характер не являлись привлекательными для мусульман Северного Кавказа, которые придерживались своих традиционных, этнических ценностей, исламского верования, которого придерживались их отцы и деды.

Салафистско-ваххабитские религиозные новации в этих условиях всё-таки не находили массовую поддержку, хотя находились и те, кто принимали их. Но чаще всего это происходило не по убеждению, а по соображениям коммерческой выгоды, когда сторонники ваххабизма в целях усиления своих позиций и расширения круга сторонников оказывали финансовую поддержку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В. И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: ИП, 1990.
2. Абдуллаев М. А. Средневековая арабо-мусульманская культура и её влияние на Дагестан. – Махачкала: Изд. дом «Эпоха», 2005.
3. Абдулатипов Р. Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. – 1995. - № 1.
4. Абдулатипов Р. Г. Судьбы ислама в России: история и перспективы. – М.: Мысль, 2002.
5. Абдурахманов Д. Б., Акаев В. Х., Дадуев М. А. Северный Кавказ: преодоление факторов этнополитической дестабилизации и достижение межнационального согласия / Отв. ред. В. В. Черноус / Южнороссийское обозрение ЦСРИ и П ИПШК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 76. - Ростов-на-Дону: Изд-во Социально-гуманитарные знания, 2013.
6. Абдулгани Абдулла. Мусульмане в условиях гласности, перестройки и нового мышления // На пути к свободе совести. – М.: Прогресс, 1989.
7. Авксентьев В. А., Гриценко Г. Д., Дмитриев А. В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / Под ред. член-корр. РАН М. К. Горшков. – М.: Альфа-М, 2008.
8. Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. – Москва-Тбилиси, 2003.
9. Агатангелос. История Армении. – Ереван: Наيري, 2004.
10. Акаев В. Х. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М.: Наука, 2006.

11. Акаев В. Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. – Изд. 2-ое, перераб. и доп. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2011.

12. Акаев В. Х. Религиозно-политические элиты на Северном Кавказе: факторы формирования, идеологические противоречия и практическое противоборство // Центральная Азия и Кавказ. Издается в Швеции. Луллео. – 2014. - № 1.

13. Акаев В. Х., Дохаева Б. А. Этническая культура чеченцев: противоречие языческих и исламских компонентов // Исламоведение. Научно-теоретический журнал. – 2014. - № 4.

14. Акаев В. Х. Кавказско-русское культурное взаимодействие: статика, динамика, синтез // Научная мысль Кавказа. – 2015 - № 3.

15. Акаев В. Х. Религиозно-культурный диалог как основа формирования целостного мировоззрения молодежи // Этнокультурное измерение общедагестанского единства: историческая традиция и вызовы современности. Материалы Республиканской научной конференции, посвященной 2000-летию г. Дербента. – Махачкала: РЦЭИ ДНЦ РАН, 2015.

16. Акаев В. Х. Особенности деятельности политических элит в стабилизации межнациональных отношений на Северном Кавказе // Личность в новейшей истории Дагестана. Материалы научной конференции «Личность в новейшей истории Дагестана», республиканского торжественного собрания и мероприятий в Левашинском районе, посвященной 85-летию Почетного Председателя Государственного Совета Республики Дагестан Магомедова М. М. – Махачкала: РЦЭИ ДНЦ РАН, 2015.

17. Акаев В. Х. О формировании национальной идентичности россиян: взаимодействие этнических особенностей и общероссийских

ценностей // Сборник трудов философов «Философы к 85-летию юбилею ДГУ». – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2016.

18. Акаев В. Х., Вагабова Н. М. Религиозно-политический экстремизма в обществе: факторы детерминации, динамика и меры противодействия // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2016.- № 6.

19. Акаев В. Х. Религиозно-экстремистские проявления среди мусульман и методы противодействия: региональные и глобальные аспекты // Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18-19 ноября 2016 года). Под ред. Проф. Яхьяева М. Я. – Махачкала: АЛЕФ, 2016.

20. Акаев В. Х. Религиозно-политические элиты: идеология и практика // *Kaukaz Północny: Elity władzy i życie polityczne* / Tadeusz Bodio [red.] Warszawa: Варшавский университет, 2014.

21. Акаев Вахит, Солтамурадов Магомед. Ислам в современной России: противоречия между местными традициями и новациями // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. Швеция. Лулео. - Том 19. - Выпуск 1. - 2016.

22. Акаев В. Х. О формировании национальной идентичности россиян: взаимодействие этнических особенностей и общероссийских ценностей // Сборник трудов философов «Философы к 85-летию юбилею ДГУ», - Махачкала: Изд-во ДГУ, 2016.

23. Акаев В. Х., Мамадиева М. Х. Состояние этнической культуры в условиях современных глобализационных процессов: взаимосвязь традиций и инноваций // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2016. - № 4.

24. Акаев В. Х., Солтамурадов М. Д., Газиев В. З. Суфизм в современном мире: интерпретации, теория и практика // Научная мысль Кавказа. – 2017. - № 1.

25. Акаев В. Х. Социально-экономические факторы дерадикализации ислама на Северном Кавказе (анализ воззрений Е. М. Примакова) // Исламоведение. – 2017. - № 1.

26. Акаев В. Х., Нанаева Б. Б. Социально-политический феномен «ислаимизм» на Северном Кавказе: особенности проявления и меры противодействия // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. - № 2.

27. Акаев В. Х., Буттаева А. М. Конструктивная деятельность государства в развитии светской и религиозной форм образования // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. - № 2.

28. Акаев В. Х., Магамадов С. С. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: сущность, формы и опыт политико-правового противодействия // Проблемы совершенствования межнациональных отношений и противодействия идеологии и практике ваххабизма на Северном Кавказе. - Грозный, 2017.

29. Акаев В. Х., Мамадиева М. Х. Исламское возрождение на Северном Кавказе: дезинтеграционные и интеграционные процессы // Научная мысль Кавказа. – 2015. - № 1.

30. Акаев В. Х., Мамадиева М. Х. Состояние этнической культуры в условиях современных глобализационных процессов: взаимосвязь традиций и новаций // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2016. - № 4 (89).

31. Акаев В. Х., Салгириев А. Р. Деятельность ИГИЛ как реальная угроза для народов и государств Кавказа // Проблемы совершенствования

межнациональных отношений и противодействия идеологии и практике ваххабизма на Северном Кавказе. - Грозный, 2017.

32. Акаев В. Х., Солтамурадов М. Д. Взаимосвязь суфизма и ваххабизма: догматико-идеологические и культовые основания несовместимости // Проблемы совершенствования межнациональных отношений и противодействия идеологии и практике ваххабизма на Северном Кавказе. - Грозный, 2017.

33. Акаев В.Х., Кашаф Ш.Р. Современный мир в условиях глобализации: цивилизационное развитие, вызовы религиозно-политического экстремизма и возможности мобилизации традиционного этнокультурного ресурса // Мобилизация этнокультурного ресурса как важнейший фактор противодействия экстремизму и терроризму: Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции (Грозный, 6–7 декабря 2019 г.) / [редкол.: М. Ш. Минцаев (предс.); В. Х. Акаев (отв. ред.), Ш. Р. Кашаф (науч. ред.), М. И. Билалов и др.; ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова, Институт востоковедения РАН] – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2020.

34. Акаев В. Х. Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры. – Грозный: ГУП «Книжное изд-во», 2020.

35. Акаев В. Х., Нанаева Б. Б., Акаев А. В. Религия в традиционной культуре чеченцев: миротворческие и толератные отношения. – Махачкала: АЛЕФ, 2020.

36. Алиберов А. К., Бобровников В. О. Дагестан и мусульманский Восток в российском кавказоведении (место введения) // Дагестан и мусульманский Восток. Сб. статей. – М.: Изд. Дом Марджани, 2010.

37. Али Тарик. Столкновение цивилизаций: Крестовые походы, джихад и современность. – М.: Астрель: АСТ, 2006.

38. Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2002.
39. Арухов З. С. Ваххабизм и духовенство в политической структуре саудовского общества. Проблемы взаимоотношений власти и оппозиции. Монография. – Махачкала: Изд. Дом «Новый день», 2002.
40. Астапов С. Н. Диалектика рационального и иррационального в религиозном сознании // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2008. - № 3.
41. Астапов С. Н. О предмете философии религии // Гуманитарные и социальные науки. - 2015. - № 3.
42. Астапов С. Н. Религиозные традиции в условиях глобализации: модернизация, консервация, архаизация // Межнациональные, межкультурные и межрелигиозные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства. – Краснодар, 2015.
43. Ахриев Ч. Ингуши: их предания, верования и поверья // Поэма об Алгузе. – М.: Мысль, 1993.
44. Бабошина Е. В. Распространение христианства в Дагестане: история и современность // 1700-летие принятия христианства в Дербенте как государственной религии Кавказской Албании: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Дербент, 14-15 ноябрь 2013 г.). – Махачкала: АЛЕФ, 2013.
45. Бакиханов А. К. Гюлистан-и Ирам. – Баку: Элм, 1991.
46. Бартольд В. В. Работы по истории ислама и арабского Халифата // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1-9. – М., 1996.
47. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. – Нальчик: Изд. центр «ЭЛЬ-ФА», 1999.
48. Билалов М. И. Суфизм и познавательная культура. – Махачкала ГУП Даг. кн. изд-во, 2003.

49. Билалов М. И. Дагестан в культуре и цивилизации. – ГУ «Дагестанское книжное изд-во», 2010.

50. Билалов М. И. Онтологические и гносеологические различия суфизма и слафизма // Исламоведение. – 2015. - № 1(23).

51. Билалов М. И. Философско-гносеологические разногласия суфизма с ортодоксальным исламом как один из источников // Идеологические и психологические основы профилактики и предупреждения экстремизма и терроризма в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 26-27 ноября 2014 года. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2014.

52. Билалов М. И. Религиозное познание в культуре постижения истины // Исламоведение. – Том. 8. – № 2 (32).

53. Билз Л. Ральф. Аккультурация // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. – Санкт-Петербург. – Университетская книга, 1997.

54. Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки истории и этнографии народов Нагорного Дагестана. – М.: Вост. Лит., 2002.

55. Бодански Й. Талибы, международный терроризм и человек, объявивший войну Америке. – М.: Вече, 2002.

56. Боков Х. Х. Развитие духовной культуры трудящихся Чечено-Ингушетии и проблемы преодоления националистических и религиозных пережитков // Социология, атеизм, религия / Чечено-Ингушский НИИ истории, языка и литературы при Совете Министре Чечено-Ингушской АССР. Том III, выпуск 1. – Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976.

57. Брилева О. А. Памятник древних культов Чечни // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы

Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М.:Наука, 2006.

58. Булатова А. Лакцы (XIX – нач. XX вв.). Историко-этнографические очерки. – Махачкала, 1971.

59. Буттаева А. М. Исламское возрождение на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. Монография. Махачкала, 2011.

60. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

61. Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа вXVIII – начале XXвека. – М.: Наука, 1974.

62. Габриелян Р. Армянские источники о Чечне и чеченцах // Чеченская Республика и чеченцы: история современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005. – М.: Наука, 2006.

63. Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Мусульманство в истории и культуре народов России: исламская составляющая российской цивилизации. – М.: Институт Наследия, 2007.

64. Гаммер Моше. Проникновение братств Накшбандийа-Халидийа и Кадирийа в Дагестан в XIX // Дагестана и мусульманский Восток. – М.: Изд. дом «Марджани», 2010.

65. Гаджиев Р. Г. Ваххабитский фактор в кавказской геополитике. – Грозный: ГУ «Книжное издательство», 2004.

66. Гацалов Х.Х. Россия и ислам на острие атаки. – Пушкина: Центр стратегической конъюнктуры, 2016.

67. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: «Наука», 1993.

68. Геродот. История в девяти книгах. – Ленинград: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1972.
69. Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). – Сухум: Абгосиздат, 2016.
70. Гумилев А.Н. Древняя Русь и Великая степь.– Москва: Товарищество Клышников, Комаров и К°, 1992.
71. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М.: Айрис-Пресс, 2007.
72. Давидович В. Е. Существует ли кавказская цивилизация? // Научная мысль Кавказа. – 2002. - № 2.
73. Давидович В. Е. Культурологические штудии Юрия Жданова // Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск. – 2007.
74. Далгат Б. К. Превобытная религия чеченцев и ингушей. – М.: Наука, 2004.
75. Далгат Б. К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследования и материалы 1892-1894 гг. – М.: ИМЛИ РАН, 2008.
76. Де-Лонг-Ба Н. Дж. Реформы Мухаммада Ибн Абд аль-Ваххаба и всемирный джихад. – М.: Ладомир, 2010.
77. «Дербент-Наме» на языках народов Дагестана: тексты и комментарии. - Махачкала: МавраевЪ, 2012.
78. Дзищойты Ю.А. Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нартольском эпосе. – Владикавказ: Алания, 1992
79. Добаев И.П. Исламский традиционализм на Северном Кавказе // Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе: возможность и границы совместимости. – Ростов-на-Дону. Изд. СКНЦ ВШ, 2004.
80. Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. – Москва – Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014.

81. Домения О. Н. Кавказская культурная общность: миф или реальность? // Научная мысль Кавказа. – 2002. - № 1.

82. Драч Г.В. История философии и теория культуры: избранные труды. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2017.

83. Дьяконов И. М. Огненный дьявол // Гумилев Лев. Теория этногенеза: Великое открытие или мистификация?: сборник статей. – М.: АСТ, 2013.

84. Жаккар Р. Именем Усамы бен Ладена. Секретное досье на террориста, которого разыскивает весь мир. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

85. Жданов Ю. А. Солнечное сплетение Евразии. – Майкоп, 1999.

86. Жданов Ю. А. Проблемы теории и истории культуры. Жданов Ю. А., Давидович В. Е. Сущность культуры. Изд. 2-е, перераб. / Отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов г/Д: Наука-пресс, 2005.

88. Жданов Ю. А. Избранное в 3 т. Т. 2. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.

89. Жданов Ю. А. О культуре. – Ростов н/Д: ГЮР, 2014.

90. Жемчураева С. Ш. К вопросу о месте религии в структуре идентичности чеченцев // II Бигиевские чтения – 2015. Мусульманская мысль XXI века: единство традиции и обновления. Материалы II Международной научно-образовательной конференции «Бигиевские чтения», Санкт-Петербург, 17-20 мая 2015 г. – М.: Изд. дом «Медина», 2016.

91. Забабурова Н. В. В поисках абсолюта: научное мышление Ю. А. Жданова // Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск. – 2007.

92. Ислам в современной политике страна Востока (конец 70-х – начало 80-х годов XX в.). – М.: Глав. ред. восточ. лит. изд.-ва «Наука», 1986.

93. Ислам в России и Средней Азии. – М.: Лотос, 1993.
94. Емельянова Н. М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. – М.: РИК, 2003.
95. Емельянов Н. М. Влияние исламского фактора на ориентиры абазинского общества России // Ислам в современном обществе. – 2015. - № 3.
96. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Составители: В.Ф. Патракова, В. В. Черноуса. – Ростов-на-Дону, 1990.
97. Каган М. С. Философия культуры. – СПб., 1996.
98. Кимелев Ю. А. Философия религии: Систематический очерк. – М.: Изд. Дом «NotaBene», 1998.
99. Кисриев Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане. – М., 2004.
100. Кисриев Энвер. Ислам и социальные конфликты на Северном Кавказе // Религия и конфликт / Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
101. Кисриев Энвер. Идеологический смысл и социальное содержание исламских течений тарикатизма и ваххабизма в Дагестане // Ислам в Европе и России. – М.: Изд. дом Марджани, 2009.
102. Кассирер Эрнст. Философия символических форм. Том 1. Язык. - М.; СПб.: Ун. книга, 2002.
103. Кеппель Жиль. Джихад: Экспансия и закат исламизма. – М.: Лодамир, 2004.
104. Конституция Республики Дагестан (с изменениями на 26.12.2017).
105. Котин И. Ю. Ислам в Южной Азии: мечом и молитвой. – СПб.: «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2005.

106. Косов Г. В. Политическая концепция ислама: проблемы цивилизационного и политического анализа. Монография. Ставрополь: Возрождение, 2008.
107. Коран. Перевод И. Ю. Крачковского. – Москва, 1991.
108. Корбен А. История исламской философии: Пер. с фр. – М.: Академический Проект; ООО «Садра», 2013.
109. Крымский А. Е. История мусульманства. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2003.
110. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе: ИР, 1984.
112. Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. – Ростов н/Д: Феникс, 2007.
113. Курбанов М. Р., Курбанов Г. М. Религии в истории народов Дагестана. – Махачкала: Изд. дом «Народы Дагестана», 2006.
114. Культурология: учебник / под ред. Ю. Н. Солонина, М.С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2009.
115. Кун Н. А. Легенды Древней Греции и Рима. Боги и Герои. – СПб.:СЗКЭО, 2019.
116. Ланда Р. Г. Исламский фундаментализм // Вопросы истории. – 1993. - № 3. – С. 32-41.
117. Ланда Р. Г. Ислам в истории России. – М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
118. Ланда Р. Г. Причины и факторы радикализации ислама // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближ. и Сред. Востока, Юж. и Центр. Азии. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Кравт+, 2004.
119. Ланда Р. Г. Политический ислам и отношения Восток-Запад // Ислам в современном мире. – 2015. - № 1.

120. Левин З. И. Реформа в исламе. Быть или не быть?: опыт систем. и социокультур. исслед. – М.: Инт-т востоковедения РАН: Крафт+, 2005.
121. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. - М.: "Правда", 1990.
122. Лукоянов А. К. Иранский фундаментализм и Центральная Азия // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). - М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001.
123. Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. – Махачкала: Даг. Кн. изд-во, 1994.
124. Макатов И. А. Об особенностях процесса сближения верующих различных национальностей / Социология, атеизм, религия / Чечено-Ингушский НИИ истории, языка и литературы при Совете Министре Чечено-Ингушской АССР. Том III, выпуск 1. – Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976.
125. Максименко В. И. Фундаментализм и экстремизм в исламе. Предисловие // Ислам и исламизм / Под общ. ред. Е. М. Кожикина, В. И. Масименко; Рос. Ин-т стратегич. Исслед. – М., 1999.
126. Малашенко А. В. Исламские ориентиры Северного Кавказа / Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2001.
127. Малашенко А. В. Ислам и политика в современной России // Мусульмане изменяющейся России.– М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.
128. Малашенко А. Ислам для России. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
129. Малашенко А., Тренин Д. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России / Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2002.
130. Малышева Д. Б. Религиозный экстремизм на постсоветском Востоке // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближ. и Сред.

Востока, Юж. и Центр. Азии. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Кравт+, 2004.

131. Мамадиева М. Х. Воздействие исламского возрождения на Северном Кавказе на региональные этнокультурные процессы // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2015. – № 4.

132. Мамадиева М. Х., Акаев В. Х. Культурные истоки народов Северного Кавказа: взаимосвязь общего и особенного // В сборнике: Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. ЧГПУ. Грозный, 2016.

133. Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии. (Опыт физической метафизики). – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020.

134. Марр Н. Я. Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа. – Петроград, 1920.

135. Маркедонов С. Возможно ли гражданское общество на Кавказе? // http://old.russ.ru/politics/polemics/20001225_marked.html.

136. Мафедзев С. Х. Кавказ: Адыгэ хабзэ. Обычаи и традиции. - Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2019.

137. Матяш Т. П., Матяш Д. В., Несмеянов Е. Е. Богословие и новоевропейский философский рационализм о духовности // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2016. – № 4.

138. Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. – Тбилиси: Изд-во Академии наук Грузинской ССР, 1954.

139. Меликишвили Лия. Открытые и закрытые типы культур этнических систем // Адат. Кавказский культурный круг: Традиции и современность. – Москва-Тбилиси, 2003.

140. Многоликая глобализация / Под. ред. П. Бергера и С. Хантингтона. - М.: Аспект Пресс, 2004.

141. Маремшаова И. И. Балкария и Карачай в этнокультурном пространстве Кавказа. – Нальчик: Эльбрус, 2003. – 124 с.

142. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. – М.: Изд-во «Наука», 1979.

143. Маркедонов С. Возможно ли гражданское общество на Кавказе? // http://old.russ.ru/politics/polemics/20001225_marked.html

144. Мухаметшин Ф. М. Ислам в современном российском обществе // Мусульмане изменяющейся России. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.

145. Мухаметшин Рафик. Ислам в постсоветском Татарстане: обновление и утраты // Россия и ислам: межцивилизационный диалог. Сборник научных статей / Ответ. ред. А. Малашенко. – Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006.

146. Нанаева Б. Б. Политические традиции чеченцев. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008.

147. Нанаева Б. Б. социально-правового регулирования в чеченском обществе. – Назрань: Пилигрим, 2009.

148. Нанаева Б. Б. Политические традиции в социокультурном наследии чеченцев. – Ростов на/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.

149. Нанаева Б. Б. Традиционное общество чеченцев: социокультурный анализ. – Москва-Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2012.

150. Нанаева Б. Б. Роль религии ислама в формировании самосознания этноса // Проблемы совершенствования межнациональных

отношений и противодействия идеологии и практике ваххабизма на Северном Кавказе. - Грозный, 2017.

151. Народы Дагестана. – М.: Наука, 2002.

152. Нарты. Кабардинский эпос. – М., 1957.

153. Население Республики Дагестан. 2015: численность, крупные города // <http://www.statdata.ru/naselenie/respubliki-dagestan>

154. Немировский А.И. Мифы и легенды Древнего Востока. – Ростов-на-Дону, 2000.

155. Несмеянов Е. Е. Проблема преподавания религиоведения и духовно-нравственной культуры в поликонфессиональном регионе // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. - № 3.

156. Нефляшева Наима. Ислам в Адыгее: от традиции к модернизации // Ислам в Европе и России. – М.: Изд. дом Марджини, 2009.

157. Нунуев С.-Х. М. Религиозно-политические процессы в постсоветской России (на материалах политизации ислама): монография / С.-Х. М. Нунуев. – Грозный: изд-во «ФГБОУ ВО «Чеченский госдартсенный университет», 2015.

158. Омарова З. У. Трансформационные процессы в современном исламе (постановка проблемы) // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2014. – № 1.

159. Панкова Елена. Как кабардинские князья стали царю служить // Аргументы и факты. – 2017. – 13-19 сентября.

160. Петраш Ю. Г. Ислам: происхождение, вероучение, современность (Философско-культурологический взгляд). – М.: Республика, 2005.

161. Поломошнов А. Ф. Ислам и мультикультурность на Северном Кавказе // Исламоведение. – 2014. - № 4.

162. Полосин В. С. Религия. Нация. Государство / Полосин В. С. – М.: НПЦ «Аль-Васатя-умеренность», 2015.

163. Прозоров С. М. Ислам как идеологическая система. – М. : Вост. лит., 2004.

164. Путин Владимир. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 января.

165. Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. «Евгений Онегин». Драматические произведения. Проза. – М.: Эксмо, 2007.

166. Рабаданов Р. М. Религиозная ситуация в Республике Дагестан и перспективы государственно-конфессиональных отношений // Исламоведение. – 2017. - № 1(31).

167. Рамазанов М. История агульского этноса, отразившаяся в его языке // Народы Дагестана. - 2013. - № 4.

168. Рощин Михаил при участии Джульетты Месхидзе. Ислам в Чечне // Ислам в Европе и России. – М.: Изд. дом Марджани, 2009.

169. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления / Под общей ред. проф. Яхьяева М.Я. – М.: Парнас, 2011.

170. Рубин Д. Мусульманство в русском и британском философско-религиозном пространстве: от инаковости к конвергенции // Исламская мысль традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник. – Москва: ООО «Издательский дом «Медина», 2016.

171. Рубин Д. Российское мусульманство в условиях идеологических трансформаций // Исламская мысль традиция и современность. Религиозно-философский ежегодник. – Москва: ООО «Издательский дом «Медина», 2016.

172. Саватеев А. Д. Мусульмане Чечни между адатом, шариатом и исламским революционизмом // Мусульмане изменяющейся России. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.

173. Саватеев А. Д. Политический ислам в концепциях российских исследователей // Ислам в современном мире. – 2015. - № 2.

174. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 32. – Тифлис, 1903.

175. Священный Коран. Смысловой перевод с комментариями / гл. ред. Д. Мухетдинов. – Москва: ИД. «Медина», 2015.

176. Сеидова Г. Н. Межкультурный диалог и межконфессиональное согласие – условие стабильности в регионе и стране // 1700-летие принятия христианства в Дербенте как государственной религии Кавказской Албании: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Дербент, 14-15 ноября 2013 г.). – Махачкала: АЛЕФ, 2013.

178. Семёнов И. Г. Этапы христианизации населения Кавказской Албании // 1700-летие принятия христианства в Дербенте как государственной религии Кавказской Албании: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Дербент, 14-15 ноября 2013 г.). – Махачкала: АЛЕФ, 2013.

179. Силантьев Р. А. Ислам в современной России. Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2008.

180. Силантьев Р. А. Новейшая история ислама в России. – М.: Алгоритм, 2007.

181. Силантьев Роман. Религиозный фактор во внешнеполитических конфликтах на Кавказе // Религия и конфликт. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.

182. Смирнов А. В. Великий шейх суфизма (опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби). — М.: «Наука» (издательская фирма «Восточная литература»), 1993.

183. Смирнов А. В. Классический ислам и современный Дагестан: постановка проблемы // Проблемы российского самосознания: историческая память народа, г. Москва - г. Махачкала, Россия, 21-24 апреля 2015.

184. Смирнов А. В., Насыров И. Р., Фролова Е. А., Эшотс Я. История арабо-мусульманской философии: Антология / Под ред. А.В. Смирнова. -М.: Академический Проект 2013.

185. Степанянц М. Т. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX-XX вв.) – М.: Изд-во «Наука», 1982.

186. Степанянц М. Т. Исламский мистицизм. – М.: Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.

187. Степанянц М. Т. Роль диалога культур в идентификационных процессах постсоветской России // Мировые религии в контексте современной культуры: новые перспективы диалога и взаимопонимания. Христианство и ислам в контексте современной культуры: Новые перспективы диалога и взаимопонимания в Российской Федерации и Восточной Европе, в Центральной Азии и на Кавказе / Отв. ред. Д. Л. Спивак, С. Шенкин. – СПб.: Санкт-Петербургской отделение Российского института культурологии / Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2011.

188. Степин В. С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011.

189. Страбон. География в 17 книгах. – М.: Научн.- изд. центр «Ладомир», 1994.

190. Тайсаев Д. М. Этногенез народов Кавказа. – Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2015.

191. Тауфик Ибрагим. На пути коранической толерантности. – Н. Новгород: Изд.-й дом «Мадина», 2007.
192. Тауфик Ибрагим Камель. Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистические установки. – М.: ИД «Медина», 2015.
193. Тесаева Х. С. Конфликтные взаимоотношения между традиционным исламом и ваххабизмом на Северном Кавказе: причины возникновения и динамика развития // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2008. – № 6.
194. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. – М.: Институт этнологии и антропологии, 1997.
195. Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука, 2001.
196. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003.
197. Тишков В. А. Этническое и религиозное многообразие – основа стабильности и развития российского общества. – М., 2008.
198. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В.А. Тишков; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2013.
199. Тхагапсоев Х. Г. Этнический этатизм в социально-политическом бытии современной России // Этноэтатизм и этнократия на Юге России / Отв. ред. В. В. Черноус. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006.
200. Тхагапсоев Хажисмель. Модернизация на Северном Кавказе - ничто не мешает // <http://new.evrazia.org/print.php?id=2081>
201. Хайдеггер Мартин. Язык. - С.-Петербург, 1991.
202. Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. – М.: Новое литературное обозрение, 2010.

203. Ханбабаев К. М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алимь и ученые против ваххабизма. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2001.

204. Ханбабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в поликонфессиональном обществе (на примере Северного Кавказа) // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала: Изд-во «Лотос», 2007.

205. Ханбабаев К. М. Суфийские шейхи и их последователи в Дагестан и мусульманский Восток. Сб. статей. – М.: Изд. Дом Марджани, 2010.

206. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ: Астрель, 2011.

207. Хоренаци Мовсес. История Армении. – Ереван: Айастан, 1990.

208. Цулая Г. В. Предисловие // Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. – М.: Изд-во «Наука», 1979.

209. Чанышев А. Н. Философия древнего мира. – М.: Высш. шк., 2003.

210. Черноус В. В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. – 2000. - № 2.

211. Черноус В. В. Кавказская горская цивилизация – субъект цивилизационно-культурного взаимодействия в Черноморско-каспийском регионе // Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе: возможность и границы совместимости. – Ростов-на-Дону. Изд. СКНЦ ВШ, 2004.

212. Чеснов Я. В. Суфизм и этнический менталитат у чеченцев // Расы и народы. – М., 2001.

213. Чеснов Я. В. Народная культура. Философско-антропологический подход / Я. В. Чеснов. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.

214. Чокаев К. З. К вопросу бытования образа Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей // Пхъармат. Научно-публицистический независимый журнал на чеченском языке. – 1992. - № 1.

215. Шавхелашвили А. И. Грузино-чечено-ингушские взаимоотношения (С древнейших времен до конца XVIIIвека). – Тбилиси: «Мецниереба», 1992.

216. Шагавиев Д. А. Аль-фирак (Религиозные течения и группы в исламе). – Набережные Челны, духовный центр «Ислам нуры», 2014.

217. Шарафутдинова Э. Ф. Мусульманская молодежь Чечни и неправительственные религиозно-политические организации // Россия и мусульманский мир. – 2007. - № 1 (175).

218. Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VIII-XV вв.). – Махачкала, 1969.

219. Шихсаидов А. Р. Духовная элита Дагестана X-XV вв. // Дагестана и мусульманский Восток. – М.: Изд. дом «Марджани», 2010.

220. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От Магомеда до Реформации. Изд. 2-е. – М.: АкадемическийПроект, 2009.

221. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. – М.: Академический Проект, 2012.

222. Элиаде М., Кулиано И. Словарь религий, обрядов и верований. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2014.

223. Эспозито Джон. Ислам: Почему мусульмане такие. – М.: Эксмо, 2011.

224. Эрнст Карл. Суфизм: Мистический ислам. – М.: Эксмо, 2012.

225. Эрнст Карл. Следуя за Мухаммадом. Переосмысливая ислам в современном мире. – М., Садра, 2015.

226. Этнорелигиозный терроризм / Под ред. Ю. М. Антоняна. – М. Аспект Пресс, 2006.

227. Яхьяев М.Я. Истоки и причины ДАИШ как нового военно-политического феномена современности // Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (18-19 ноября 2016 года). Под ред. проф. Яхьяева М.Я. – Махачкала: АЛЕФ, 2016. – С. 67-78.

228. Яхьяев М.Я. Истоки и причины многовекторности развития ислама // Ислам и исламоведение в современной России: сборник докладов Всероссийского исламоведческого форума / Под общей редакцией профессора Яхьяева М.Я. – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – С. 3-9.

229. Яхьяев М.Я. Исламоведение научное и ненаучное // Мобилизация этнокультурного ресурса как важнейший фактор противодействия экстремизму и терроризму: Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции (Грозный, 6–7 декабря 2019 г.) / [редкол.: М. Ш. Минцаев (предс.); В. Х. Акаев (отв. ред.), Ш. Р. Кашаф (науч. ред.), М. И. Билалов и др.; ГГНТУ им. акад. М. Д. Миллионщикова, Институт востоковедения РАН] – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2020. – С. 305-312.